

ВАЛЕРИЯ ОЛЮНИНА

ЧЁРНЫЕ РЫБЫ

Удинский акафист

Ереван 2022

УДК 821.161.1-31 Олюнина
ББК 84(2=411.2)-44
О-530

*Книга издана при поддержке Института автохтонных
народов Кавказско-Каспийского региона, Ереван*

Олюнина Валерия
О-530 Чёрные рыбы: Удинский акафист/В.Олюнина.-
Ер.: Институт КЦИ, 2022-124 с.

*Повесть о судьбах поколения, которое могло оказаться
«потерянным», но выстояло. После катастрофы развала
СССР героев повести – армян, русских, удин, азербайджанцев,
лезгин отбросило друг от друга в чудовищной энтропии...
Действие разворачивается на фоне войны в Арцахе в 2020
году.*

ISBN 978-9939-1-1421-7

© Олюнина В., 2022

© Институт автохтонных народов Кавказско-Каспийского
региона, Ереван

*Годы, люди и народы
Убегают навсегда,
Как текучая вода.
В гибком зеркале природы
Звезды – невод, рыбы – мы,
Боги – призраки у тьмы.*

(Велимир Хлебников, 1915 г.)

Сон, как мембрану, рассёк нож телефонного звонка. Я не сразу вспомнил, где нахожусь, и, пока приходил в себя и наощупь по одеялу искал трубку, звонок прекратился. Следом раздался другой звонок, от Ольги, но сеть ушла, как только я попытался ответить.

Странно, почему она мне звонит? Когда я в поездках, она обычно не пытается со мной связаться.

... А сон был долгий, тягучий, вкручивающий в себя, как воронка. Там я падал в холодную прорубь, вода была колкой, обжигающей из-за льдин, с красноватым, кровавым оттенком, и я осознавал: для того, чтобы подняться к прорубленной майне, нужно дойти до самого дна, чего бы это ни стоило. Дно все время ускользало, отбиваясь темными тяжелыми слоями, наконец, я оттолкнулся от него так сильно, что одним движением оказался у выхода в прорубь.

Окончательно проснувшись, наконец-то открыл глаза, взглянул на заиндевевшее окно и вспомнил, что

нахожусь на Ярославщине, в Брейтовском районе. Было чувство, что проснулся в очень знакомом месте, пропахшем древесиной и крапивой, как наш старый нижский дом, где мама по утрам раскатывала тесто для афаров, украдкой выдавливая на нём кресты потемневшей от времени лопаткой.

Мороз к утру действительно усилился, как и обещали старожилы, и моя голова оказалась словно в мягких тисках. Но вместе с тем было чувство, что мне здесь хорошо ещё и оттого, что тут проблемы со связью, меня это устраивало.

Градуcник за окном показывал минус сорок два, а ведь и вечером был немалый морозец, минус двадцать пять. Для меня, кавказца, пусть и давно живущего в Москве, и вечерний был чувствителен. Другое дело, что для местных, вернее, для москвичей, что на выходные приезжают сюда, через Углич и Калязин, такой мороз – как пощипывание, лишний повод махнуть по паре рюмок шуйской настойки.

Вчера мы вышли на лед Рыбинского водохранилища с поисковой командой «Третий Рим» Дмитрия Радченко и легенды подводных исследований Русского географического общества Константина Богданова, пару лет назад нашедших на Балтике погибший в 1858 году корабль «Лефорт». Стоял конец февраля, и им нужно было спешить, снова и снова опускаясь под лед, пока не пошел ледоход. К схваченному льдом руслу Сити сползали холодные воздушные массы, здесь одно из самых зябких мест Брейтова. Поисковики рассказывали, что увидав там множество человеческих останков, которые почему-то не истлели до конца, они договорились ничего с «Лефорта» не забирать.

Дайверы погружались в воды Рыбинки уже в четвёртый раз. Водохранилище это было создано перед самой войной по приказу Сталина. Частично оно легло в контуры когда-то существовавшего тут древнего моря, где от невозвратной юрской жизни остались лишь увесистые аммониты и позвонки рептилий в прибрежных песках. При оборудовании майны самой тяжёлой работой оказалась выемка тросами метровых кубов льда. Этот извлечённый лёд выстраивался на зимнем солнце прямо на длинных колеях, проложенных снегоходами по заснеженной поверхности водохранилища, рождая непостижимый метафизический и в то же время вполне земной и русский, несмотря на всю его нездешнюю красоту, пейзаж.

Странное и прекрасное это место – река Сить. Окрестности Сити то простираются равнинным пейзажем, то размежеваны непереносимо сверкающими столбами белого света среди неохватных, вековых берёз; в старину даже эти нарезки меж деревьев засеивались пшеницей.

В 1238 году, в начале марта, тут было разбито монголами русское войско. Место, где проходила та битва, забравшая тысячи русских жизней, но помешавшая потрёпанной монгольской орде двинуться по весенней распутице на Великий Новгород, до сих пор точно не установлено.

...Когда стихал лай собак, рождалась древняя, домонгольская тишина, не июньская, звенящая из-за обилия насекомых и птиц, а иная – как сон, как наваждение, словно твое сознание созерцает эту красоту из-за стекла. Не хотелось даже двигаться и хрустеть ботинка-

ми (вчера Дмитрий почти приказал мне зайти к нему, и выдал специальную водонепроницаемую обувь, тяжёлую, пригодную для долгого стояния на льду).

Пробился шум снегохода; по заснеженному льду разъезжал помощник Дмитрия, таджик Дилшод. Невероятно, как он попал сюда, километров за триста от столицы, если сюда не всякий москвич готов ехать. Дилшод тут один среди русских, без общения со своими земляками, которые доезжают лишь до крупных населённых пунктов, вроде Ярославля или Рыбинска.

Лицо Дилшода было на удивление смуглое, видимо, к душанбинскому загару прибавился тот, что возникает от северного солнца и льда. Я смотрел на его кряжистую фигуру, в ватнике и ушанке, точь-в-точь, как у русских крестьян, и думал, что и сам давно и постоянно живу среди русских, пусть и не в такой глуши. Наверное, зависнуть, как Дилшод, на годы, а то, и на десятилетия, между зимним льдом и летним разливом водохранилища, я бы не смог.

... Дилшод, когда увидел меня здесь впервые, замер, буквально оцепенел. Мы постояли пару минут, разглядывая друг друга, оба такие нездешние, и возникло чувство, что между его родиной и моей пролегла какая-то бесконечная печальная равнина, стократ большая, чем две тысячи географических километров.

Как раз в 1238 году, когда под ударом монгольской орды оказались города и сёла Северо-Восточной Руси, за горами Большого Кавказа, в далеком Арцахе, князь Гасан Джалал достраивал Гандзасар, волшебный собор с зонтичной кровлей, вместилище реликвии – головы Иоанна Крестителя. Гасан Джалал был князем Хачена, а севернее области, на которую распространилась его

власть, лежали остатки Кавказской Албании удинские земли, таким островом Христа, у самых гор, в окружении народов, принявших мусульманство.

Я приезжал в Нагорный Карабах за десять лет до нынешней экспедиции, корреспондентом одной федеральной газеты.¹ И тогда, и сейчас ощущения весьма близкие – словно какая-то оторванность, удалённость от оживлённого мира роднит две эти области. Но есть и разница: потомкам древних князей Руси нет надобности доказывать врагам свою русскость, а вот армянство князя Гасан Джалала и его потомков, спустя семьсот лет после тех событий, пришлось отстаивать целым поколениям учёных, даже будущему директору Эрмитажа Иосифу Орбели.

Из Брейтова мы выезжали к станции: по левую руку, видимо, где-то в Некоузском районе, виднелась Покровская церковь в близлежащем селе Веретея, с куполами, истонченными равнодушным временем до дыр. Обступившие сумерки словно погружали храм восемнадцатого века в ещё более глубокое прошлое, словно и без того старая церковь должна встать вровень с теми, что выстояли в нашествие монголов. Один аквалангист, не погружавшийся из-за сломанного полгода назад плеча, рассказал, что слышал от местных: Некоузом эту местность назвали, потому что монголам здесь некого было

¹ Автор вносит эпизод из своей рабочей поездки обозревателем «Литературной газеты» по Арцаху в июне 2010 года.

пленять и бросать в узилище – все русские погибли в битве или ушли.

Уже почти стемнело, но мне захотелось рассмотреть храм получше, и я попросил остановить машину. Ребята остановились и в свою очередь попросили не задерживаться, времени было в обрез. Я перешёл через дорогу к Веретее, встал на обочине, и тут раздался телефонный звонок.

Приветливый женский голос, с небольшим, но характерным акцентом:

– Господин Гуасари, здравствуйте! Вам удобно сейчас говорить?

– Да, – ответил я, хотя и было-то как раз неудобно. Голос продолжил:

– Я корреспондент ТНК, мы снимаем передачу об известных удинах по заказу министерства культуры Азербайджана...

– Я как раз неизвестный удин, – решил отшутиться.

– Видите ли, господин Гуасари...

– Арсен!

– Да, Арсен, очень приятно. Я Самира. Было бы замечательно, если в марте Вы бы приехали в Нидж. В Нидже планируются съёмки документального кино, и Вы...

– Приехать? В Ниж? – переспросил я, и на последнем слове у меня словно горло перехватило, и я повторил:

– В Ниж?

Голос в телефоне внезапно пропал. Я стоял с трубкой, прижатой к уху, говорившей мне что-то о проблемах со связью на двух языках, а с Черкасовского

мыса налетал промозглый ветер, и было еще холоднее, чем тогда, на льду, возле майны. Я стоял и глядел на разорённую церковь, жуткую, как призрак, при скупом лунном освещении, проходили минуты, сигналила машина ребят, требуя, чтобы я вернулся, и я не мог сдвинуться с места, повторяя про себя «Ниж, Ниж».

Я въехал в Москву по бетонному хребту, изрезанному арматурой и пересечённому мостами в заклёпках, словно крейсерами эпохи Первой мировой, а Русь осталась позади. Скрылись её полустёртые фрески и фрагменты мозаичных полов, опустошённый семиярусный храмовый иконостас и Прощеный ручей, где в последний раз встретились ростовский князь Василько и его жена. И что-то еще, нечто непостижимое, присутствовавшее всегда и во мне, но давшее о себе знать только сейчас.

Жена встретила меня на пороге. Обычно, когда приезжал из командировок, она оставалась лежать на диване с пультом в руке, перелистывая каналы, но тут вышла:

– Арсен... Арсен, несчастье, твой отец умер.

Шёлковый пеньюар струился по ее ногам, я поднял взгляд и посмотрел в ее холеное лицо, на которое не падала даже тень моего горя. Ее последний визит к пластическому хирургу, видимо, состоялся в виварии, где ей раздули края узкого надреза, когда-то называвшегося ртом, и теперь этот орган сообщал о смерти моего отца...

– Почему не сказала? Почему не позвонила? – я рукой стал искать стул, которого быть не могло в коридоре.

– Я звонила, много раз. Но ты был недоступен, – спокойно продолжила она, – Арсен, тебе нужно ехать в Ниж! Седа уже вылетает.

– Почему в Ниж? – спросил я, и в голове снова зазвучало «Ниж, Ниж», и вспомнился тот звонок на пути из Брейтова.

– Причём тут Ниж? Папа в Ростов летел, так? Он что, не добрался?

– Арсен, папа умер в Ниже. Тебе поехать надо...

На ослабевших ногах я вошёл в дом, завернул на кухню, вытащил сигарету, закурил, думая, что теперь делать. Лететь в Азербайджан? Этой мысли я не допускал. Господи, папа, сколько раз я просил тебя не ездить туда, папа! У тебя же стенокардия, давление, ну папа, зачем?

Отец мертв, и он в Ниже. Я пытался совместить эти два факта, но тщетно. Я, конечно, понимал, что отцу, с его букетом неизлечимых заболеваний, оставалось недолго, но думал, что уйдет он здесь, в России, и мы похороним его в Ростовской области, рядом с мамой. Именно сейчас, когда снова идёт армяно-азербайджанская война, отец, с его светлыми глазами и массивным, выступающим носом, так похожий на армянина, вздумал отправиться в Азербайджан, туда, где любой прохожий запросто может напасть, оскорбить, ударить.

Затушив окурок в цветочном горшке, я вышел из кухни. Жена уже разлеглась в комнате на диване. Я поглядел на старую фотографию, с дедом и бабкой, висящую на стене, где они запечатлены в национальной одежде – дед в шелковом архалуке и папахе, бабушка – в национальном платье с серебряными пуговицами и изящном головном уборе, с монетками на лбу. Они

чудом спаслись, когда мусульмане громили удин и истребляли жителей Варташена, и прожили долгие жизни, до конца 80-х, пока был Советский Союз, когда, казалось, все древние распри остались далеко позади. Папа теперь с ними... Рядом я когда-то повесил портрет генерала царской армии Силикова, удины, проявившего в боях с турками чудеса храбрости.² Силиков улыбался в роскошные седые усы, и во всём его облике было что-то очень домашнее, родное. Приходившие к нам друзья считали, что это наш родственник, а я не отрицал.

Я вернулся на кухню, достал водку из холодильника, открыл ноутбук и стал просматривать новости. Как вышло, что мне эти четыре дня было так хорошо, так спокойно, а у меня умирал отец, и на Кавказе убивали армян, продолжали истреблять уже после подписания перемирия. Народы, враждующие столетиями, теперь готовят к замирению, видимо, к сдаче последних христианских земель туркам, без учёта каких-либо прав армянского народа. Всё, как и было прежде. Российские газеты, все, как одна, включились в антиармянскую пропаганду, сочувствовали азербайджанцам и туркам в открытую, даже не пытаюсь придерживаться нейтральности.

Ольга вскоре вошла за мной на кухню, встала за спиной и забормотала, как Эвридика, идущая из царства

² Силиков (Силикян) Мовсес (Моисей) Михайлович (1862-1937) – российский и армянский военачальник удинского происхождения. В мае 1918 года в Сардарпатской битве войска под командованием Силикова нанесли поражение турецким войскам, наступавшим на Ереван.

мертвых: «Арсен, Арсен, надо лететь, Ниж...папа... похоронить...».

Я молча налил водки, выпил, думая, что если отведу ей, то обязательно сорвусь, выскажу, что ей дела нет до моего отца, который тщетно просил, почти умолял родить ему внуков. Что мужская линия нашего рода, скорее всего и даже наверняка, прервётся на мне.

Я закурил и продолжил прокручивать новостную ленту, не вдаваясь в детали, только проглядывая заголовки. Отношение к армянам поменялось не сегодня, не в войну, уже с полгода, как армяне в русскоязычных медиа стали террористами, оккупантами «древних» азербайджанских земель, «предателями» России, и Бог знает кем ещё.

В последний месяц продажные журналисты как с цепи спустились. За пару дней до нападения на Арцах вышла гадкая статейка от новоявленного специалиста по Кавказу, писавшего до того о сборе мусора в Москве, и о том, как лихо Лукашенко закидывает за спину автомат, а здесь взявшегося хвалить турок, даже не азербайджанцев. Вообще, было ощущение полного помешательства – упреки Армении в том, что «она уходит в сторону НАТО», и тут же, через абзац, неумеренные похвалы Турции, члена этого самого НАТО, рассуждения «экспертов» о том, что Армянская церковь является еретической, и тут же – восторженные отчёты о совместных молениях бакинских православных клириков с мусульманами.

Армянское горе, армянская кровь продолжали хлестать из каждой строки. Теперь армяне опять обездолены, опять беженцы, как и сто лет назад, когда босые, на арбах, они уходили в Восточную Армению или

бредли по сирийской пустыне, умирая от голода и болезней. Сейчас с тем, что удалось спасти, уходили на машинах. А в кадрах горели дома, сады: армяне поджигали их сами, чтобы не достались врагу. Я стал читать репортаж о сданном Карвачаре. Один из карвачарцев рассказывал:

– Я смалодушничал. Я не смог сжечь свой дом, попросил соседа. Когда он загорелся, я взял жену за руку, так и ушли с нашей родной земли. Столб огня гудел нам вслед и, как мне казалось, достигал самого неба. А мы шли вперед, где нас никто не ждал. Шли как в туман, как в вату, где не было никакого будущего, во всяком случае, нам тогда так казалось.

В Российской империи так сжигали свои дома после русско-турецкой войны, в 1879 году, когда вернувшиеся с театра военных действий солдаты занесли в Поволжье холеру, так называемую «ветлянскую чуму». Деревянные дома тогда жгли по одному, чтобы пламя не распространилось на целые деревни, и повсюду стоял запах ада – смесь хлорной извести, пепла, кислоты и обугленной земли, пропитавшейся человеческими страданиями.

За каждой новостью из жидкокристаллического пространства пробивалось лицо отца, живое, старое, уставшее, словно извиняющееся за свою смерть.

Ты помнишь, папа, как мы покидали наш дом в Ниже? Теперь я точно знаю, что в такие моменты страшнее всего взрослым, ведь они осознают возможность самого страшного исхода. Дети лишь чувствуют потоки чужеродной агрессивной силы, не понимая, чем это может кончиться. Им невдомёк, что в соседях, недавно

ещё приходивших попросить соли, пробудилось древнее зло, требующее человеческих жертвоприношений.

Запел мобильный. Я поглядел номер – это была та женщина, Самира, что приглашала меня в Ниж. Возможно, кто-то из московских коллег сообщил мой номер, и азербайджанские пропагандисты, не зная толком, о ком речь, решили, что со мной можно «поработать». Я сбросил звонок. В Ниж не вернусь ни за что.

Сейчас нужно позвонить Микаэлу, армянину, моему другу. Мы познакомились много лет назад на научной конференции в Санкт-Петербурге. Я освещал ее для газеты, в которой тогда трудился. Микаэл должен был оставаться в Санкт-Петербурге, он занимался работами Иосифа Орбели. Орбели в 1916 году, в освобождённой русской армией Турецкой Армении, изучал урартские и армянские памятники, был в монастыре Ахтамар, что на острове Ванского озера, и в Хачене, в средневековой армянской обители Гандзасар, с храмом Иоанна Крестителя. В данный момент Микаэл штудировал труды Орбели, посвященные памятникам Кавказской Албании.³

Я набрал Микаэла, он, по счастью, был ещё в Петербурге. Услышав его «алло», произнесённое так тепло, спокойно, с хорошо заметным акцентом, настолько по-

³ В образе Микаэла Аракеяна прописаны черты друга автора, армянского богослова, медиевиста Айка Акопяна, сотрудника Матенадарана – Института древних рукописей им. Месропа Маштоца в Ереване.

домашнему, словно прозвучавшее из соседней комнаты, я сразу выложил:

– Микаэл, мой отец умер.

– Арсен-джан, сочувствую, цавт танем.⁴ Где ты сейчас?

– Я дома. Только что из Ярославской области вернулся. И узнал.

– В Ростов поедешь хоронить?

– Нет. Он умер в Ниже. Он в Ниже умер.

– Туда поедешь?

– Не поеду.

– Арсен-джан, видишь, отец умер не на чужбине, на своей родной земле умер, – сказал Микаэл, и стало заметно, что он ищет способ утешить меня.

– Это в Азербайджане, понимаешь?

– Понимаю, Арсен-джан. Поедешь?

Я представил лицо Микаэла в эту минуту. При всём современном стиле, модной стрижке и очках в щегольской оправе, во всём его облике проступало что-то церковное, средневековое. Оттого во время наших телефонных разговоров я представлял его в келье, склонившимся над рукописью, как старинный монах с миниатюры.

– Слушай, как я поеду? Похороны завтра, не успею я. Ты понимаешь, что я не хочу туда? Я просто не могу. Ты видишь, что творится? Шуши сдан. Сдан даже Гадрут, – я это говорил и чувствовал, что вязну в аргументах, как в зыбучем песке, и ощущал себя негодяем.

– Арсен, послушай, я – армянин. Тебе не может быть больнее, чем мне. Ты должен поехать – тебя не

⁴Цавт танем (арм.) – «я возьму твою боль на себя».

тронут, ты же удин. Они Дадиванк сейчас отдают удинам.

– Микаэл, ты сейчас так говоришь, будто ты больше удин, чем я!

– Арсен, у тебя горе, понимаю. Ты сам знаешь, что совершаешь непоправимое. Не сможешь предать отца земле – потом себе не простишь. Из-за каких-то клятв! Слушай, отец умер и все клятвы отменил! Я тебе ничего больше не буду говорить. Сам решишь, понимаешь? Я просто помолюсь о тебе. И о новопреставленном рабе божьем Гарегине.

– Спасибо тебе, Микаэл.

– Скажи о смерти отца Рустаму. Нельзя не сказать. Держись.

– Думаешь, надо? – спросил я, но Микаэл меня уже не услышал.

На следующий день я поехал в редакцию и сразу направился в курилку. Судя по тому, что при моём появлении все замолчали, стало ясно, что все всё знают. Видимо, Микаэл позвонил Гоар и рассказал о моей утрате.

– Арсен, соболезную, – сказал Гриша Турецкий. Его еврейская фамилия мне не нравилась, хотя она и не имеет ни малейшего отношения к туркам, а восходит к названию не существующего с войны белорусского местечка Турец. Гриша – домовой редакции, от его кабинета разносится по коридору запах жареной рыбы и мяса, притом вперемешку, поскольку по старой богемной привычке он принципиально не моет сковородку. Себя он считает едва ли не реинкарнацией

Аронова,⁵ с которым когда-то выпивал в ЦДЛ. Стихи он, конечно, пишет, но никому их не показывает.

Я вынул сигарету и заметил, что собравшиеся в курилке принялись гасить окурки и расходиться, и тут увидел Гоар – коллеги решили оставить меня с ней наедине. Гоар стояла у окна, держа сигарету в тонких пальцах, унизанных широкими, на полфаланги, серебряными кольцами. На таком же, тёмного серебра, браслете дрожала и переливалась лорийская бирюза. Мой подарок на день рождения годичной давности.

– Прими соболезнования, Арсен. Он был хорошим человеком.

– Я знаю. Хорошим человеком, хорошим отцом. Мне повезло с ним.

– Он в Азербайджане умер? – спросила Гоар, бросив на меня цепкий, быстрый взгляд

– Да.

– Удины стали нужны Алиеву. Видишь, даже твой отец успел вернуться.

– Я не знаю, как он оказался в Ниже. У него не было таких планов. Я бы знал.

Гоар уставилась на меня – её глаза с расширившимися зрачками превратились в два чёрных озера.

– А ты как? Тоже собираешься?

– Все говорят мне, чтобы ехал. Но я...

– Что ты?

– Я не знаю.

⁵ Аронов Александр Яковлевич (1934- 2001) – российский журналист, поэт.

– Поезжай. Есть шанс вернуться на родину, не упускай. Это у нас, армян, нет такого шанса, а ты сейчас можешь. Ты удин.

Гоар погасила окурок о перила, кинула в консервную банку, заменявшую тут пепельницу, и собралась уходить.

– Гоар!

Она обернулась

– Прости, Арсен. Мы больше не будем встречаться, я не могу.

– Гоар, я не понимаю. Меня четыре дня не было, что произошло?

– А ты не знаешь? Удины туркам служат! Наши храмы отбирают!

– Прекрати, что говоришь? У нас общие храмы. Я разве туркам служу? Я в чём виноват?

– Мой брат сейчас в плену, понимаешь?

– Я сочувствую тебе, Го.

– Не нужно твоего сочувствия. Новости посмотри. Удины в Дадиванке, молятся там по-турецки, они теперь лучшие друзья азербайджанцев. Братья прямо. А нам – враги.

– Гоар...

– Вы отреклись от нас? Всем народом?

– Слушай, тогда Грише скажи, что он враг. Израильтяне хорошо заработали, на миллиард Азербайджану оружие продали. Ты видела, что они пишут? Армяне – антисемиты, а толерантный – Азербайджан, там якобы евреев любят! Несколько удин наболтали чуши на камеру, а я уже враг тебе? У меня отец умер, отец!

– Сострадания ждёшь? Пять тысяч армянских солдат в могиле, многие женщину познать не успели, а ты говоришь, отец умер. Арсен, я сочувствую, но уйти раньше сына – это по природе, это правильно. А в Армении сейчас отцы детей хоронят. Ты, Арсен, лети. Похорони отца. Почувствуй азербайджанскую толерантность. Вы же теперь с азербайджанцами братья, правильно? Армяне вам веками мешали, клин между вами вбивали, так?

Ее было не остановить.

– Не сомневайся, тебе там припомнят. И две тысячи десятый год, и Гандзасар, и статьи твои, и любовницу-армянку, все припомнят!

– А я тебе так скажу: твой брат в плену не потому, что горстка удин стала служить Алиеву, а потому что игры в революцию были для вас важнее безопасности, важнее Арцаха, важнее всего!

– Это воля народа.

– Да перестань! Это технологии, внедренные в древние черепа ереванских обывателей. Не ты ли на проспекте в Ереване движение перекрывала? Вы вообще что творили? Коляски выкатывали с детьми! Чего вы хотели? Войны хотели? Вот и война, получите и распишитесь! И никто не виноват!

Гоар, которая вытаскивала из пачки очередную сигарету, сломала её в бешенстве и швырнула, а затем рванула дверь так, что браслет слетел с руки, и ударил по кафельному полу бирюзовым шариком, будто серебряная змейка, пытаясь разбить себе голову, кинулась оземь.

– Какая же ты дура, – крикнул я. – Ты даже ошибок своих признать не можешь! Я тоже вышел, хлопнув

дверью с такой силой, что две удивленные головы высунулись из секретариата. Конечно, говорить так было нельзя: её брат, оказавшийся в плену, был мальчишкой, ему исполнилось восемнадцать за пару месяцев до начала войны. Я увидел Гоар в коридоре, она постучала в двери к главреду и вошла. Мне было не понятно, о чем она собралась говорить с Куцким, да ещё в таком состоянии.

Я зашел в свой отдел, сел к компьютеру, включил, и снова побежали те же новости. Эта жуткая новая реальность сама по себе не возникла, ее создали человеческие решения. С мая 2018 года, когда весь, как тогда говорили, армянский народ пошел за человеком, призванным доламывать хребет армянской государственности, разрушать авторитет церкви, армии, сносить остатки традиционного уклада.

Но так не наказывают за глупость. Не надо этих пафосных слов о провидении, о пресловутой цивилизационной усталости, особенно сейчас. Это ведь четко и жестко прописанный план уничтожения Армении. Такие, как Гоар, умные, честные, но проведенные по лабиринтам геополитики вслепую, они, наверно, основные жертвы. Они стали жертвами только из-за неравнодушия к судьбам своей страны – так ныне хитро умеет опутывать ложь.

Тут мессенджер выбросил сообщение. Оно было от Рустама. Оказывается, он звонил мне и до того, но я не слышал.

– Только тебя не хватает! – подумал я в сердцах.

«Арсен, прими соболезнования в связи с кончиной отца. 30-го в картинной галерее Дербента открывается моя фотовыставка. Брат, буду рад встрече».

Да, писал рафинированный интеллигент Рустам, «безродный космополит», человек мира. Бывает же так, друг-азербайджанец приглашает на свою выставку в Дербент, когда идет эта бойня, а его соплеменники уже клацают зубами у Вардениса. А, с другой стороны, какой он азербайджанец? Скорее, бакинец, как он сам себя называл. Уходящая реальность – бакинец в его старом, советском, понимании, никак не соотносящаяся с нынешним городом. Впрочем, Рустама и в Баку-то не застать. Завсегдатай авангардных парижских галерей и стамбульских мастер-классов. Еще неизвестно, что там за выставка, в Дербенте. Наверное, соответствует политическому моменту, «Шуша – колыбель азербайджанской культуры» или «Гарабах – сердце тюркского мира». Впрочем, сейчас не до него...

Российские ресурсы выдавали безрадостную картину. Армяне оказались практически в полном одиночестве, и сейчас все, кому не лень, старались заработать, пнув армян побольнее. Сочувствующие голоса доносились в основном с сербских и греческих порталов. Я знал, что обосновавшаяся в Армении часть нашего крохотного удинского народа сейчас на стороне армян, были и те, что пошёл воевать, вместе с армянами, езидами, ассирийцами, греками и горсткой русских добровольцев.

Поразительно, что греки, морально поддержав армян, снова оказались врозь с православной Россией.

Не изживаема эта народная память – о русской помощи туркам в самом начале 20-х годов, когда из России, где был жестокий голод с массовым мором и каннибализмом, в Турцию от большевиков поступило золото для армии Ататюрка, которое помогло вычистить греческое население Анатолии, уничтожить христианских жителей Смирны. И эллины, хотя их, как и армян, турки называют «сломанным мечом», готовы сражаться с османскими завоевателями нового времени, в то время, когда Россия, словно ведомая, братается с потомками тех, с кем воевала столько раз, оставляя на полях сражений сотни тысяч своих сыновей ...

Нынешняя арцахская война оказалась совсем не похожей на ту, первую, как будто ни патриотизм, ни героизм уже не нужны, словно это рудименты отжившего прошлого, а побеждают только технологии, подлость, предательство, ложь и холодные механизмы кабинетных сговоров.

Видеть эпизоды этой войны мучительно даже в виртуальном пространстве. Тела солдат, оставшиеся непогребёнными, разлагались в горах, разрывались на куски. И сотни неопознанных трупов, то ли турок, то ли азербайджанцев, то ли исламистов, нанятых режимом Алиева, пожирались дикими кабанами заповедных, райских лесов Карабаха. Было в этом что-то жуткое, дикарское, дочеловеческое. Обезглавливали армянских пленных, армянским старикам отрезали уши на камеру, словно в Средневековье, которое, как выяснилось, никуда не уходило, проступило сквозь все декларируемые принципы двадцать первого столетия.

Арцах встал на краю цивилизационного разлома, где столкнулись два несовместимых мира – один, насле-

дующий античность, несущий архаичный, изначальный вариант европейского духа, и второй – псевдоисламский, варварский, подменивший звериным оскалом культурное наследие и магическую душу раннего арабского халифата. Все последние годы, начиная с конца советского времени, азербайджанцы лгали всему миру, что армяне украли у них крестовые камни, что хачкары это какие-то выдуманные хачдаши, «исконно азербайджанские» камни, что бесчисленные армянские церкви, разбросанные по Азербайджану – «албанские храмы». Но при этом азербайджанцы бестрепетно уничтожали всё это наследие собственными руками, тихо, без шума, там, где уже нет армян, и где это никто не увидит. Понятно, что сами они в эту ложь не верили никогда, они истребляли историческую память другого народа, на землях которого оказались, стирали с лица Земли не своё, а чужое.

Раздался звонок, это был главный, и я пошел в его кабинет, не представляя, что он скажет.

Войдя в просторный, прокуренный кабинет главреда, я почувствовал себя лучше. Я прекрасно знал, что коллегам и начальству со мной бывает трудно, из-за моего упрямого и взрывного характера, в общем, типично горского, и я понимал всегда, что люди это, в общем, терпимые, и относятся ко мне хорошо. Сейчас я решил, что буду соглашаться со всем, что главред скажет. Слишком много всего произошло за эти последние часы.

– Арс, присядь-ка, – сказал Куцкий, пододвинув ко мне распечатанную пачку сигарет и большую настоль-

ную зажигалку. Куцкий был одним из нас, он прошел несколько горячих точек, и был, в общем, человеком понимающим, хотя порой и впадал в менторский тон, как подобает начальнику сложного коллектива. Я взял сигарету, но закуривать не стал, не хотелось.

«Сейчас он мне скажет про похороны отца, на которые я не лечу», – подумал я.

– Прими соболезнования, дорогой. Слушай. Впервые, пиши заявление на получение матпомощи. Только приложи свидетельство о смерти.

– У меня его пока нет.

– Ну, потом приложишь. Во-вторых, у нас есть возможность аккредитовать корреспондента в прифронтовой зоне. Гоар просится, только что была тут.

– У нее брат в плену.

– Знаю. Я дал добро. Пусть съездит на пару недель.

– Она едет, чтобы разузнать о пленных, а их там сотни. И ей несколько легче, языком, опять же, она владеет, – сказал я.

И тут осознал, что Гоар уезжает на войну, а не в простую командировку, и родился страх за нее. Я, мужчина, остаюсь тут, в безопасности, а она едет, понятно, что не на фронт, и там для журналистов не так опасно, им ничего не угрожает, разве только барражирование турецких F-16 над головой. Всё-таки туда должен был отправиться именно я, хотя военкором никогда не был.

Русские миротворцы, вроде бы, свое дело делали, но после того, как Россия впустила турок в Закавказье, придётся мириться с новым форматом региона, с многократно усилившимися позициями вероломных сосе-

дей. Сейчас турки вошли во вкус, стали вести себя откровенно по-разбойничьи.

Впрочем, слабину русские впервые дали не сейчас, а гораздо раньше. Когда-то Российская империя сразу после победоносной войны 1877-78 годов вынуждена была вернуть туркам Баязет и Алашкертскую долину⁶, лежащую к югу от Арарата, впустив в империю тамошних армян. Каждый новый виток российской истории в дальнейшем знаменовал потерю очередной порции армянской земли и русской силы, так русские и армяне вошли в 2020 год, и теперь азербайджанцы и турки наслаждались их бессилием и взаимным недоверием. Что это? Россия, находящаяся в противоречиях со всем христианским миром, ищет поддержки в мире турко-исламском? Ни убийство российского посла Андрея Карлова, ни сбитый турками в сирийском небе российский самолет, ни казнь турецкими наймитами летчика Олега Пешкова, ни превращение константинопольского Софийского собора в мечеть, ни гибель русских летчиков, сбитых азербайджанцами над Араратской долиной, не изменили тёплого отношения нынешней России к турецкому государству.

– Находиться в Армении рядом с войной. На войне, – поправил он себя, почувствовав условность фразы.

⁶ Баязет и Алашкертскую долину Российская империя передала Османской империи под давлением Великобритании по результатам Берлинского конгресса (созван в 1879 году для пересмотра условий Сан-Стефанского мирного договора 1878 года, завершившего Русско-турецкую войну 1877–1878 гг.).

– Да, Макс, так. Ей там будет легче, – сказал я и закурил.

– Я понимаю, что тебе сейчас сложно что-либо поручать. – Куцкий говорил дружелюбно, но начальственные нотки никуда не делись.

– Может, возьмешь пару-тройку дней, отдохнёшь, потом и репортаж по экспедиции сдашь, а?

Я покачал головой.

– Хочу по армяно-удинскому вопросу написать. Сейчас впервые лет за тридцать об удинах говорят в новостях. Ты же знаешь, нас несколько тысяч всего.

– Отлично, только антиазербайджанский тон не нагнетай, наверху не пропустят. Равноудалённость нужна, понял?

– Мог бы не напоминать. Понимаю, да ещё как, – сказал я с неожиданным для себя самого сарказмом.

– Ну, предположим, мне Алиев нефтедоллары не заносил, но наезды их посольства, когда вы поехали в Карабах, я никогда не забуду. И звонили, ты не представляешь, откуда. Я добро давал, вы с Гоар попросили, я согласился. В Армении, чтоб ты знал, нашу газету вообще не читают, а в Баку через лупу рассматривают.

– Да, Макс. Не нагнетать. Сейчас это почти бессмысленно. Нагнетать надо было раньше. До того, как начали бить беспилотниками по Степанакерту. По старикам, по детям. По мирным людям. Сейчас что нужно? Побрататься с убийцами? Ну, давай побратаемся. Политический момент диктует, да?

Куцкий пододвинул сигареты к себе, давая понять, что аудиенция окончена.

Я вошел в свою квартиру, как в кубическую черноту погребальной камеры, стараясь не споткнуться, и не вызвать лишнего шума, но было это непросто. Меня не слишком волновало, разбужу я Ольгу или нет, хотелось только избежать разговоров с ней. Осторожно прикрыв входную дверь, я увидел себя в зеркале, слегка потерял равновесие, вытянул руку и наткнулся на длинный хвост. Спяну я решил, что это спит Бэлла, но тут же вспомнил, что Бэллы давно нет. Наша старая собака осталась в Ниже, давным-давно, а этот хвост – горжетка моей жены, упавшая с вешалки. Это моё постаревшее на десятилетие лицо в лунном свете, шкурка мертвого животного, мой дом, который хуже чужого...

Гриша перед тем затащил меня в ресторан ЦДЛ, и мы выпили, но в горе, как известно, пить нельзя, и я быстро перебрал. Хорошо, что на меня не напали белые вши, как на мою бабушку, когда умер дед. В старину, говорят, это случалось часто, в горе на людей нападали белые вши, а теперь их нет, наверное, тут, в многомиллионном городе, в человеческую плоть вошло столько химикатов, что никаким вшам не выжить. Я в эти дни почти не спал, может, пару часов в сутки, не более, и оттого стала вспоминаться разная чертовщина. Детали вечера я запомнил. Помню себя уже на Большой Никитской, у входа в ЦДЛ, без шапки. Я продышался, разглядывая изразцовый дом-пряник напротив, и когда стало немного полегче, смог заказать машину. Гриша как правильный советский еврей, остался продолжать.

Пока я пробирался через запруженные дороги города, вспомнил, как впервые напился, уже в Ростове,

когда мы уехали из Нижя. Отец хотел меня наказать, но не стал это делать с утра, промолчав до вечера, а когда он молчал, мне было хуже всего. Сейчас я представил его мертвым, в земле, со сложенными руками, приготовленным для червей, вся жуть последних дней стала просачиваться сквозь хмель, и мне стало по-настоящему тошно. Неужели сейчас, в машине, за рулём которой – незнакомый человек, меня вырвет, или я расплачусь пьяными слезами, одним словом, потеряю лицо, а отец ведь говорил много раз «лица не теряй, Арсен, чего бы ни случилось». Я стал вспоминать стихи, все, что знал, и проговаривать про себя, и тошнота, хотя и не отступила полностью, но перестала быть такой давящей.

Ольга вышла из спальни и посмотрела на меня.

– Что с тобой? Ты пьян? Арсен?

Спросила, хотя и так было понятно. В конце фразы ее голос перешел в змеиный свист, она так и просвистела «Арссен». Я хотел молча пройти в комнату, надеясь, что разговора не будет, но ничего не вышло – она включила свет и шагнула навстречу, перекрывая мне путь. Я практически уверен, что перед тем, как щёлкнуть выключателем, она тщательно состроила мину, призванную изобразить заботу, сострадание и что-то еще, о чем мне не хотелось думать.

– Арсен (Арссен), я понимаю, тебе трудно, тем более что...

– Что тем более?

– Ты не летал на похороны, ты не простился.

– Это только моё дело, – ответил я, и отстранился от её рук, протянутых ко мне из-под пеньюара с цветной раскраской на японский манер, под гейшу. Лицо ее белело в темноте, как у привидения, она вышла меня встречать в маске, видимо, из очередного эликсира, продлевающего молодость кожи. Она следила за собой, как никто. Как суданская роза, что не пахнет, но собирается сохранить себя надолго.

– Арсен, ложись спать, не будем ссориться.

– Мы не ссоримся, мы не живём. Надо подать на развод.

И тут, в глубоком вырезе ее импровизированного кимоно, я увидел крест на цепочке, сантиметров в пять длиной, переливающийся фианитами. По перекладине креста шла надпись: «С нами Бог».

– Что это?

– Это крест.

– Вижу, что крест. Откуда он?

– Купила. Он освещен на мощах святого Георгия.

– Ты же не веришь в Бога. В церковь не ходишь. Зачем он тебе?

– Я хожу в церковь. Ты что, не знал? Крестик называется «София».

– Ты же не София.

– Они не именные. Это же не кружка. Просто названия такие, были только «София» и «Анастасия». Он складывается. При первом заказе дарят подвеску «Ангелочек». Такой младенчик хорошенький, серебряный, и крестик в руках.

– Будешь тоже носить на шее, на цепочке? Да ты просто Фрида Кало русского розлива.

– Фрида-то причём?

– Когда у неё дети не рождались, она их спиртовала, а потом рисовала. И обезьянок заводила. Может, нам тоже обезьянку завести?

– Ты пьян, спать иди, – сухо сказала она.

Я глянул в ее глаза, там уже разгоралась до боли знакомая ненависть, которую еще минуту назад она пыталась спрятать. И этот коктейль из пошлости, святых мощей и фоновой хронической ненависти заставил меня в очередной раз спросить у себя, как я мог связать жизнь с этим чужеродным существом. Ольга взяла меня за рукав, и повторила это «спать иди» одним шипением, прозвучавшим, как инопланетное проклятье.

И вдруг я увидел свою руку, хватающую ее за шею, по которой пошли алые ядовитые пятна, размером с цветы на ее японском халате... И так рывками, пятящуюся назад, я загнал ее в спальню. Я видел, что она и боится сейчас, и, как дикое животное, способна напасть, если только хватка моя ослабнет...

... Я зажал в кулаке крест «София» и одновременно со всей силы швырнул ее на кровать. По ее широко раскрытым глазам я понял, что она готова ко всему, даже к тому, что сейчас произойдет... И тут сверху у соседей заплакал новорожденный ребенок, и мне показалось, где-то на небесах плачет мой нерожденный сын. Я раскрыл кулак и стал рассматривать крест на своей ладони так внимательно, как будто я вообще впервые увидел христианский крест. Шатаясь, я вышел из спальни, в которую уже никогда не зайду, в бессилии сполз на пол.

И тут слезы покатались у меня из глаз. Я сидел один, вдали от родины, от отца, от своего народа. Далеко было все, что я когда-то любил в своей жизни.

Я не запомнил ни слов, ни красок того дня, хотя и того, и другого было предостаточно. Оказалось, что архитектурные элементы и внутреннее убранство храмов – не то, что я готов бережно сортировать и укладывать в памяти. Просто мы двое, я и Гоар, оказались в центре бурно кипящего армянского мира. Всё, что происходило в тот день, запомнилось мне как череда нестерпимо ярких, как параджановские коллажи, картинок, немного напоминавших мне детство и Ниже.

Мы были командированы в Нагорный Карабах одной федеральной газетой. Это было время, когда мы еще были уверены, что всё в наших руках, и все возможно, как теперь понятно, надеялись на чудо, тут была целая группа московских журналистов, прибывшая продвигать республику в российском информационном поле. В Гандзасаре мы попали на обряд крещения. Крестили Марика – годовалого сына известного предпринимателя, местного уроженца. Я стоял у Гандзасара, а вокруг шла весёлая суета – женщины и девушки перебирали бонбоньерки, заботливо завернутые самодельные памятные сувениры гостям, перекладывали букеты роз, смеялись. Был июнь, солнечные потоки заливали всю округу, и по зонтичному куполу собора пробегали блики. Задолго до поездки я прочитал о Гандзасаре, что именно отсюда, из этих стен, в 1701 году было отправлено прошение восточных армян Петру Великому о принятии российского подданства и военной помощи для противостояния персам. Гандзасар впервые упоминается у католика Анании Мокаци в середине X века. Новый, известный в настоящее время храм,

построен князем Гасан-Джалалом, «мужем благочестивым, богобоязненным и скромным, армянином по происхождению» на месте того самого старого храма, упоминаемого в X веке, и освящён 22 июля 1240 года.

Всю поездку мы наблюдали владыку Паргева, полного энергии, он уделял внимание всем, и журналистам, и отцу Александру, прибывшему в Арцах на закладку православного храма. Храм этот так и не был построен,⁷ азербайджанцы смогли заблокировать этот проект, используя свои связи в руководстве РПЦ. Владыка Паргев – глава Арцахской епархии, человек, близкий к великому католикосу Вазгену I, священник, сражавшийся с крестом за эту землю, в высшей степени причастный к той победе армян. Это Паргев призвал сбросить памятник Ленину, и так начался судьбоносный штурм Шуши 8 мая 1992 года.

И вот в Гандзасар вошли священники, заняв место у купели, рядом встали родители – Татевик в белом платье, ожидающая своего второго ребенка, и Эдуард с Мариком на руках. Все присутствующие, и мы с Гоар тоже, отошли к стенам.

Храм внутри казался древними катакомбами, кругом был серый, массивный камень, местами влажный, впитавший за века многоликие тени, он словно защищал от условной реальности всякого, сюда входящего. Слова молитвы, произносимой Паргевом, частью тонули в нишах Гандзасара, отражаясь, летели вверх, в купол, к

⁷ В июне 2010 автор получила благословение предстоятеля Арцахской епархии Армянской Апостольской церкви владыки Паргева (Мартиросяна), который служил с момента восстановления епархии в 1989 году до 2021 года.

окнам, откуда падали расширяющиеся конусы иллюзорного света. Именно эти отзвуки, невнятные, как древнейший праязык человечества и снопы света, в которых плясали неисчислимые пылинки, в этом, словно отлитом из камня, Гандзасаре поразили меня больше всего. Таинство крещения у армян длится очень долго, маленький Марик устал и расплакался, но никто из отцов не повёл и бровью, обряд продолжился, не отойдя от тысячелетней традиции ни на йоту.

... По ту сторону Гандзасара хлынул ливень, его звуки, перекрывающие слова молитвы, каким-то образом удлинители, сделали объемным и щедрым на запахи весь тот день. Я встал в портале храма, где массивные деревянные двери словно рассекали пополам вырезанный на них крест, и аромат сгорающих свеч, запахи табачного дыма, роз, принесённых гостями, смешался с непобедимым оттенком влажной, жирной земли.

Перед обрядом крещения я купил в храмовой лавке банку местного меда, освящённого, как тут принято, самим владыкой. Дождь пролетел, и мы стали неспешно покидать Гандзасар. Марик в белой рубашке, на руках отца, был уже в центре вполне земного праздника. Дети в черных одеждах со вставками желтого и красного (единственные яркие пятна, которые я запомнил из того дня) шли с нами, били в барабаны и дудели в рожки, то тут, то там, спонтанно возникали очаги танца.

Потом, уже в аэропорту Еревана, я случайно разбил банку с карабахским медом, но решил довести ее до дома. Мне стало жалко этот мёд, хотелось выбрать осколки, спасти от гибели эту вязкую сладость, пахнущую

уже и парафином крестильных свеч, и увядающими розами, и тем коротким дождём над Гандзасаром.

Тогда я задался вопросом, что, наверное, никогда не задавал себе таджик из Брейтова, смог бы я жить среди своих жить, их традиционной жизнью, от которой ныне совсем отошел? Смог бы обрести ту, прежнюю жизнь, что была до семнадцати лет, жизнь, вытесненную азербайджанцами за пределы родины? Мой отец, несмотря на страх, что пережил тридцать лет назад, спасая свою семью из охваченного погромами Азербайджана – да, он смог бы. Отец ездил в Ниж, всякий раз, как в последний, не зная, вернется в Ростов или его однажды убьют – в бакинском аэропорту, в маршрутке, на улице, ведь ему так просто снова оказаться для них армянином, как это было тогда. Тридцать лет назад.

В Ниже сейчас была моя сестра Седа. Оставив детей на мужа, она вылетела из Екатеринбурга в Баку, и, через Габалу, добралась до Нижа, чтобы похоронить отца. Пока там все не будет завершено, она не позвонит, а может быть, и не захочет сейчас со мной говорить. Пока я узнал лишь, что отец умер на пороге нашего дома, но неизвестно, при каких обстоятельствах. Думая об этом, я провалился в сон, и он был жутким, раньше мне редко снились кошмары, и забывались сразу, а сейчас этот сон запомнился.

Приснилось, что военное кладбище Ераблур почему-то оказалось на дне Балтики, и солдаты лежат там непогребёнными: кто-то без рук, без ног, с колотыми, резаными ранами, все очень молодые, и у

всех одно лицо – героя-артиллериста Альберта Ованисяна, а надгробия где-то поодаль, сбившиеся в какую-то чудовищную колонию. Я это видел, потому что погрузился туда, в темную глубину, вместе с Радченко и Богдановым.

Я сказал им:

– Надо закрыть глаза, так нельзя.

Богданов ответил отчетливо, будто мы не под водой:

– Мы договорились, что не будем касаться команды «Лефорта»...

– Это не команда, это наши ребята. Я не знаю, почему они здесь оказались. И они уже умерли.

– Это никогда точно не скажешь, умерли люди или живы, - ответил Богданов.

В наш разговор вмешался Дмитрий и тоже чисто, звукораздельно, будто бы не под водой:

– Ты же армянин, вот и закрой им глаза, это твое дело.

Я проснулся, потому что закончился воздух, и увидел сидящую возле кровати Ольгу, в упор смотрящую на меня.

– Любишь это местечко, да? – спросила Гоар Микаэла, когда они присели на мягкие диваны в знаменитой чайной на Абовяна, в доме, ничем не примечательном на вид, где некогда, в угловой части, располагалось кафе «Аракс», культовое место «шестидесятников».

– Здесь хорошо кормят, и рабиз не включают, – ответил Микаэл и приступил к супу. Сейчас он мог бы показаться вполне светским и сегодняшним человеком.

– Да, здесь, тихо, и, кажется, войны нет, – меланхолично сказала Гоар.

– Война всегда есть, даже если ее не видно, она есть, даже когда никто не стреляет, видишь ли, – ответил Микаэл и осёкся. Зная за собой склонность к сложным формулировкам, он не хотел показаться Гоар занудой.

– Война у нас, армян, в земле прячется. У нас там только потоки крови, а у них нефть и газ. Не одно и то же, правда?

Гоар молчала, мешая ложечкой в керамической чашке с чаем.

– Мне один нефтяник рассказывал. Он чеченец, во время первой кампании возглавлял пророссийское правительство Чечни, – говорил Микаэл, расправляясь с супом. – Потом вернулся в Москву, в научную работу. Мне говорил, что из нефти делают полимеры, для выращивания искусственных глаз.⁸

– Искусственных глаз не бывает. Есть только имитированные, – сказала Гоар, глядя в чашку.

– Ну, возможно, имитированные. Я спросил, а вам как, вообще не страшно работать в сейсмозоне? Он посмотрел на меня этак снисходительно. И сказал:

⁸ Автор воспроизводит свою встречу с политиком, академиком РАН Саламбеком Наибовичем Хаджиевым (1941-2018), в 2013 году возглавлявшем Институт нефтехимического синтеза им. А.В. Топчиева РАН.

«молодой человек, для нефтяника сейсмозона это как мать родная».

– Лучше бы ты спросил, не страшно ли после *такой* работы в Ичкерии возвращаться в благополучную Москву.

– Точно не знаю, как это происходило в 1990-е, но он поехал в Чечню не с бухты-барахты. Там явно договоренность была с русскими. С Ельциным. Черномырдиным. Он поехал бы, даже зная, что победить не сможет.

– Ну, да, в первую очередь для того, чтобы свои не упрекнули, что отсиделся в Москве, - саркастически вставила Гоар.

– Тогда было так надо. Конечно, у армян есть претензии к чеченцам из-за участия отряда Басаева в войне на стороне Баку. Но знаешь, чеченские страдания были не меньше наших. А у них этой нефти навалом. Сегодня люди нефть качают, из нее делают новые глаза, а завтра берут автомат идут воевать, и глаза теряют. Гоар оторвала взгляд от чашки.

– Помнишь, как десять лет назад, еще молодыми, восторженными, мы поехали в Арцах? По длинной дороге, северной еще не было. Ты, я, Арсен и еще куча народу.

– Конечно, помню. Фруктовая стоянка в Суренаване, где полно аистов. Ночное чаепитие на трассе у Гориса. Весело было, и этакий звериный оптимизм. Уверенность, что все будет хорошо.

– А теперь у нас снова одна дорога, через Лачин.

– Слушай, а как там с Арсеном? Где он?

– Мы расстались. И не спрашивай больше.

– Не буду. Но я за него беспокоюсь. Ему действительно трудно. И не только из-за смерти отца...

– Ты об удинских «пастырях»?

– Не буду говорить банальностей, вроде того, что несколько наймитов из числа подневольных удин оскорбляют армян, участвуя в бакинском грабеже нашего прошлого, - снова пространно заговорил Микаэл, но переключился и продолжил простым языком.

– Знаешь, их не под дулом пистолета заставляют это говорить. Боюсь, там ещё что-то.

– Что-то, о чём мы не знаем?

– Именно. Я слышал об отце Андрее, – продолжил Микаэл, – Он под дулом автомата крестил солдат, позже был убит. Смерть ходила за всеми по пятам, только кого-то она забирала на передовой, к кому-то приходила во сне белой лошастью. Мы понимаем, что быть христианином – это не попасть под защиту креста, а взять сам крест под защиту. Мы, армяне, понимаем это, как никто. Но вот удины, к примеру. Они же от армян неотличимы. Арсен твой – ну вылитый же армянин.

– Он не мой.

– Хорошо. Не твой. Они пострадали, как и мы, их истребляли, убивали, притом, те же самые турки. Но скажи мне, то, что они сейчас делают, разве можно делать, даже под страхом смерти? А вот Арсен больше армянин, чем многие армяне. Вы с ним хорошая пара, пламенная.

– Мы просто не любим друг друга так, как хотели бы оба. И потом, он женат.

– Гоар! Ты вот упрекнула Арсена в том, что народ его идет против армян. Это была ошибка. Полагаю, ты просто не смогла постичь всего, что происходит сейчас и еще произойдет, пойми, я не делаю тебе внушения, нет, на это осознание нужно время, но...- тут Микаэл замолк.

Гоар тоже молчала. К карамельному запаху чая подмешивался запах горьких, словно неизбывная армянская тоска, сигарет, исходящий от Гоар. Она вполуха слушала речи Микаэла, и, в то же время, мысли её были далеко, на северной дороге, в Варденисе. Она видела избитого, измученного, полуживого брата, захваченного врагами на его родной земле, видела почерневших от горя родителей, оставшихся в Ереване и вынужденных теперь бояться и за нее.

– Куда ты едешь? – сменил тему разговора Микаэл.

– Туда, где буду ближе к брату, к Самвелу, – ответила Гоар. – Есть новости: русские пытаются надавить на азербайджанцев в рамках соглашения. В Москве с января пикет у посольства и МИДа стоит. Но северной дороги уже нет...

– Легче сказать, что у армян теперь есть, – с грустной усмешкой сказал Микаэл.

– Иногда мне кажется, что нужно всё бросить, расселится по другим странам, пусть сюда придут турки со стадами, а мы страны пока не заслужили. Надо пожить пару тысяч лет в изгнании, как евреи, понять, что это такое, жизнь без родины, а потом возвращаться.

– Гоар, ты читала Брэдбери, так? Он дважды убил американскую цивилизацию. Второй раз аж на Марсе. И признал, что когда все рухнет, останутся жить те народы, которым покажут простую традиционную жизнь. И все начнется сначала.

– Я, наверное, сначала доеду до Вардениса, а там посмотрю, – уже не отвечая на эту речь, она одним глотком допила полчашки карамельного чая и быстро вышла из чайной. Микаэл подумал, что она вышла

сделать какой-то важный звонок и ещё вернётся, но она так и не вернулась.

«Гоар, наверное, сейчас у Вардениса, – думал Арсен, – к Дадиванку теперь не проехать. В октябре 1992 года армяне шли по Карвачарскому ущелью, освобождая свою историческую землю, а азербайджанцы бежали, едва сопротивляясь, бросая технику. Лезгин-полковник орал на них благим матом, но ничего не мог поделать. Сейчас Карвачар отдали обратно вообще без боя. А брат её, скорее всего, в Баку. В Первую карабахскую войну враги возвращали пленных армян, сделав им инъекции бензина. Вернувшись на родину, они уже через неделю умирали от интоксикации. Неужели и сейчас такое возможно?»

Дважды за эти годы Арсен ездил в Арцах по новой дороге. Она отличалась от пути через Лачинский коридор, хотя и ландшафт был примерно тот же, и точно так же вчерашняя желтизна за окнами сменялась смесью бурого и белого, но всё же близость Севана сказывалась на ощущении от этой новой дороги. Севан то открывался всей своей темной, непередаваемой синевой, так, что хотелось выскочить из машины и остаться здесь, у холодной ноябрьской воды, то снова прятался за вершинами. Когда Севан исчезал, оставалась только горная гряда под большими накатами снега, светящегося под вечным армянским солнцем.

– Дорог мне Севан, – умиротворенно думал Арсен. – Я ведь тут впервые в Армении увидел снег, словно из Еревана меня забросило в окрестности Нижа, в моё

детство. Тогда царил сухой холод, снег был обветренный, такой на вид острый, что, казалось, способен порезать пальцы. И он, Арсен, пребывал в этой белизне, как в изначальной чистоте и простоте новорождённого мира, и понимал, что подлинной чистоты, конечно, не существует, но всё ещё существует человеческое стремление к ней.

Арсен включил компьютер. В сети шла церемония «возвращения» святыни, монастыря Дадиванк, отвоеванного азербайджанцами у армян, «удинским священником». Это было, как в дурном сне. В сопровождении вооруженных охранников у входа в храм стоял человек, разодетый под христианского священника, весь какой-то нелепый, декоративный, с плоским, как прилавок, лицом. Это лицо показалось смутно знакомым – сытое, злое лицо, выражением далёкое от любого христианского чувства. Арсен остановил трансляцию, увеличил лицо этого «пастыря» на весь экран. Этот смутно знакомый удинский Тартюф прикоснулся кривым заученным троеперстием к шее. Простит ли его Бог за эту инсценировку, за этот отвратительный балаган возле похищенного у армян храма? Арсену не хотелось вспоминать его имя, оно пришло на ум само. Арсен поморщился и убрал картинку. Но следом за этим именем из глубин памяти всплыло другое, хранимое как редкое сокровище.

... Мариам.

Маленький рубин, упавший из рая, пробил мою душу, разрезал мою жизнь на две неравные части.

*Может, там больше частей, кто знает.*⁹ Как быстро после прихода любви я оказался в аду.

А помнишь, Мариам, как мы покидали наш дом? Покидали – это слишком красиво сказано, про такие случаи азербайджанцы теперь говорят «не совсем мирным путем».

Это случилось уже после того, как мы с тобой стояли в саду, где почки на плодовых деревьях набухали перед тем, как стать цветами.

Ты помнишь, Мариам, я сказал тебе...нет, я не мог тебе сказать *зувачурузса*,¹⁰ я сказал это по-русски. И ещё сказал, что ты самая красивая девочка нашего села. И что мы обязательно поженимся с тобой. Тогда было время простых слов, и все они были созданы лишь для нас, хотя вроде бы и принадлежали всем людям – хлеб, небо, деревья, вода. И каждое из этих слов означало и любовь. Когда мы учились, и шумели на переменах наши классы, ты всегда была такой легкой в общении и смешливой, но стоило нам увидеться вне школы, на улице, как ты преображалась на глазах, словно становилось взрослее, шла мимо, не глядя на меня, в накинутом платке, скрывающим волосы. Я знал тогда, что мне идти в

⁹ Автор воспроизводит фрагмент хадиса, приписываемого Саабу Алабару и приведенного Х.Л. Борхесом и А. Б. Касаресом в «Книге небес и ада»: «Рай находится на седьмом небе, напротив Иерусалима и Храмовой горы. Если из рая упадет рубин, то он упадет точнехонько на гору, и если он рассечет ее насквозь, то попадет в самый центр Ада».

¹⁰*зувачурузса* (удин.) – «я тебя люблю».

армию, защищать нашу родину, но скоро родина избавилась от меня, и от таких, как я, сделала меня «перемещенным лицом», лишила даже возможности защитить свою семью. Такая она оказалась у нас, родина.

Мой отец, до мозга костей советский человек, тогда ещё считал, что всё успокоится, что власти нашей страны «дадут, кому надо, по голове». Думал, что однажды мы проснемся, выйдем утром в наш сад, и примемся за работу, как будто ничего плохого не происходило. А мама не прекращала заботиться об огне, поминутно глядела на очаг, думая, не пришло ли время подкормить его дровами.

Когда мы бежали из Нижа, и сядились в грузовик, мне казалось, что огонь, оставленный в доме, должен остаться на попечении кого-то из соседей, ведь он не должен погаснуть, наш огонь. А может, стоило бы ему разгореться, вырасти из крохотного роя красных мотыльков, в огромное существо, которое поглотит наш дом целиком, со всем, что там осталось, ведь мы взяли только документы, красную рубашку бабушки и фотографию, висящую в моей московской квартире, ту, где они с дедом молоды. Пусть лучше этот родной огонь заберёт всё себе, лишь бы дом не достался никакому чужому человеку.

Мариам, помнишь, мы стояли с тобой в саду, и половинная луна, словно разрезанный шар сливочного масла, светила нам, ровно настолько, чтобы мы видели лица друг друга и были невидимы всему миру, и мы стояли, спрятавшись в тень твоего дома? И ты первая взяла меня за руку, и холодок восторга пробежал у меня по спине, словно лунный луч попал под рубашку.

А теперь мы не увидим друг друга, даже если будет полная луна на полнеба.

И ты никогда не вспомнишь обо мне, я это знаю. Ведь всего через год после того, как я покинул Ниж, ровно через год, Мариам, ты... Как же ты могла?

«Толерантный музей неуничтоженного древнего народа».

Беседа со старшим научным сотрудником института-музея «Матенадаран» Микаэлом Аракеляном на портале «Русская неделя».

– Микаэл, вы богослов, медиевист, поясните, пожалуйста, могут ли удины и армяне считаться древними автохтонными народами региона Южного Кавказа?

– Безусловно, армяне и удины, а также лезгины и еще ряд народов, проживающих на Кавказе, являются древними автохтонами. Об этом свидетельствует большой ряд исторических, археологических и культурных источников.

Примечательно, что у обоих народов есть связь с античной цивилизацией. Впервые об утиях упоминает Геродот в своей «Истории». Описывая Марафонскую битву, древнегреческий историк свидетельствовал о том, что в составе XIV сатрапии персидской армии воевали и солдаты утиев. Об армянах пишут Геродот, Страбон. Интересно, что в народных верованиях удин сохранились элементы поклонения Луне, культ которой существовал у кавказских албанцев. Не случайно албан-

ское (удинское) название этого светила – Хаш – связывается с символом и названием креста в армянском (хач); в удинском языке до сих пор сохраняется термин «хашдесун» в значении «креститься».

– История армян и удин поражает своей глубиной. Почему азербайджанцы «забывают» о других кавказоязычных народах, но только не об удинах?

– Этноним «удин» использовался исключительно для обозначения христианской части этноса, все исламизированные представители этого народа перестали называться удидами. Не затрагивая историю исламизации удин и восприятия ими собственной этнической идентичности, чему посвящен ряд исследований, отметим только, что армянский язык был языком обучения и культурной ориентации «армян-удин», иными словами, удин, являющимися последователями ААЦ, что и стало причиной трагедии этого народа.

Ничто не спасало удин от татаро-турецкого преследования ни в начале, ни в конце XX века. Резня армян 1918-1920 годов в равной степени распространилась и на удин. И в наше время, несмотря на призывы бакинского агитпропа не трогать «албанских предков азербайджанцев – удин», преследования их продолжаются. Осколки этого народа, как говорящие на удинском языке жители деревень Ниж и Вардашен, так и давно уже тюркоязычные, но исповедующие христианство жители Джоуролу, Мирзабейлу, Султан Нухи, вновь испытали на себе все ужасы гонений. Значительная часть переселилась в Краснодарский край и Ростовскую область, часть прибыла в Армению и Грузию, откуда затем многие выехали, в том числе и в европейские страны. В азербайджанской официальной версии этот

процесс представлен следующим образом: «Удины покинули места своего проживания в Азербайджане в силу разных мирных и немирных обстоятельств. Это происходило в течение текущего столетия и активизировалось с началом перестройки в СССР, после начала Арменией в 1988 году необъявленной войны против Азербайджана».

– Так почему же удинам пришлось покинуть свои родные места?

– Удины – лишь один из объектов стратегии Азербайджана по выдавливанию автохтонных народов. С 1992 года, когда Баку снова взял курс на вытеснение и ассимиляцию нацменьшинств под лозунгом «Мы все – турки-азербайджанцы». Вытеснению, выдавливанию и даже физическому уничтожению подлежали именно те, кого трудно или невозможно было ассимилировать, прежде всего – христиан. Жесткая внутренняя политика всегда велась по отношению и к автохтонам-мусульманам. Ни на одном канале в Азербайджане не делается передач о многочисленных нацменьшинствах в республике. Невозможно представить себе программы или печатные ресурсы на аварском языке, на цахурском... Лезгины, также наследники Кавказской Албании, не только лишены родного языка и, возможности получать образование на нем, их иной раз заставляют платить особый налог «лезги пул». И шла эта политика уже с 1930 годов, а с 1939 году, когда в переписях населения появляется термин «азербайджанец», из них начинают исчезать многие коренные народы Азербайджана – цахуры, рутулы, джеки, хиналугцы, удины, таты и даже столь многочисленный, почти полуторамилионный, этнос, как талыши. Еще в XVIII-XIX веках в 43 населен-

ных пунктах проживало более 50 тысяч удин, в результате насильственной исламизации и резни к началу XX века осталось лишь несколько удинских поселений.

Одним словом, создавалось государство под «титульный тюркский этнос», в котором нет места реальным автохтонам этой земли.

– Микаэл, что происходит сейчас в удинских селах Азербайджана?

– Насколько мне известно, сегодня, из-за разного рода политических и иных гонений, оставшаяся часть удин в Азербайджане пытается «реформировать» свое объявленное постыдным историческое прошлое, стереть из него те свидетельства, которые тем или иным образом ассоциируют их с армянами и армянской культурой. На конференции в Тбилиси я довелось встретиться с Робертом Мобили, руководителем удинской общины Азербайджана – он пытался представить армянскую надпись как албанскую. Я с легкостью перевел надпись для иностранных коллег, после чего Мобили, часто гастролирующий по Грузии, Ватикану, без конца фотографирующийся со священниками и даже с Папой Римским, был вынужден с позором удалиться.

Последние 15 лет в Азербайджане удины меняют свои армянские фамилии; в 2004 году в одной из церквей удинского села Ниж были уничтожены надписи на армянском языке; некоторые лидеры подконтрольных властям удинских организаций пишут статьи, которые направлены на отрицание каких бы то ни было исторических связей удин с армянами.

И удинство – уже не там: оно разбросано крупицами в России, Армении, Грузии, Украине. Но и это

не самое парадоксальное. Раньше азербайджанцы (еще с периода идентификации тюркоязычных шиитов региона как кавказских татар) открыто уничтожали христианские святыни повсюду. Одно из последних вопиющих преступлений – уничтожение в нахичеванской Джуге тысяч средневековых хачкаров, ломами и кирками раздробленных в пыль, крошку; не только сакральное для армян место, но и значимый памятник культурного наследия превращен в полигон, лунный пейзаж. Но вот уже несколько лет, как Баку сменил стратегию, решив показать всему миру свою веротерпимость и даже подчеркнуто бережное отношение к автохтонным народам – не ко всем, конечно, – тут кому как повезет. Витриной веротерпимости были выбраны именно крайне малочисленные удины, призванные обеспечить историческое право «единой азербайджанской нации» и на христианское наследие региона. Остатки этого народа, чьи женщины были изнасилованы, а мужчины лишены чести, избиваемые, убиваемые, харкающие кровью, были превращены в красивый проект под названием «музей реликтового удинского народа, не уничтоженного до конца «толерантным» режимом Гейдера Алиева и сына его Ильхама».

Беседовал Арсен Гуасари

19 ноября 2020 года, когда армяне прощались с Дадиванком, своим монастырём, никто не знал, будет ли возможность когда-нибудь снова увидеть его древ-

ние стены. Настоятель Дадиванка, отец Ованнес принял решение не покидать монастырь, вокруг него собралась группа молодых ребят, готовых быть с настоятелем до конца. Там был и отец Владимир, православный священник из Армении, духовник монастырского подворья в Канакере. Ещё до войны отец Владимир не раз посещал Дадиванк, и в этот страшный момент он поддержал братьев во Христе. Тогда и прозвучали его слова, что здесь армянская земля, которая была и будет, и что армяне всегда восставали из пепла, и так оно будет и сейчас.

Отец Ованнес, в 1993 году лично сражавшийся за Карвачар, тоже увидел в сети церемонию «освящения удинского храма». Накануне он снял с бережно восстановленной звонницы Дадиванка колокол, чтобы спасти от варваров. Он знал, что во время первой войны азербайджанцы украли колокол шушинского собора Казанчеоц, вывезли и продали, его случайно нашли армяне на складе цветного металла, выкупили, вернули, но теперь снова захвачен Казанчеоц, вместе с его многострадальным колоколом.

А в Дадиванке в центре постановочного действия был всё тот же Роберт Мобили, то и дело рассказывающий в прессе, что он как геолог может идентифицировать эти храмы как албанские. У господина Мобили странное свойство, всё, что он произносит, с характерной вкрадчивой, лисьей интонацией, превращается в комические куплеты, а его искусственная, якобы удинская, фамилия, звучит, как псевдоним цирковой династии, из поколения в поколение демонстрирующей подбрасывание пустотелых гирь. Какая там Кавказская Албания, какие утии, сражавшиеся против армий Македон-

ского, Помпея и Арабского халифата! Чистейший балаган. Удинские фамилии имели то же окончание, что и армянские, некоторые были изменены, ещё до революции, на русский манер, так Силикян стал Силиковым. Фамилии пришлось срочно переделывать, когда в Азербайджане стали преследовать армян, но ни одна, наверное, нынешняя удинская фамилия, не звучала так откровенно по-шельмовски, как эта «Мобили».

Рядом с этим господином маячили черные и серые фигуры, наподобие членов Политбюро на похоронах, не хватало только траурных бантов. Почти никого из них Арсен не знал, лишь одного вспомнил сразу: Рафик Данакари, заместитель Мобили, внезапный христианин, имеющий такую фактуру и образ в этой «божественной комедии» по-азербайджански, что по степени «просветленности» вполне мог бы конкурировать с самим папашей Сансоном,¹¹ молившимся, по слухам, за бессмертные души всех, кого он пускал под нож.

Нет, это точно не христиане Кавказа, даже и не мусульмане, это новейшее переиздание партийного актива, – думал Арсен. – Этакое сборище ряженных с шакальими и песьими головами. Видимо, албанских священников рукополагают в алиевской администрации, и целуют они, вместо креста, портрет его дорогого папеньки. «Клянёшься ли ты служить верой и правдой нашей семье и идее пантюркизма? Обещаешь ли нена-

¹¹ Папаша Сансон – прозвище знаменитого палача времен Французской буржуазной революции Шарля-Анри Сансона (1739-1806), который, по воспоминаниям современников, был тихим, кротким и вежливым человеком, в свободное от работы время собирал гербарий.

видеть проклятых армян?» Да, для удин это новый опыт... За всю столь долгую историю, чего только не происходило с удинами. И войны за веру были, и погромы, и переселения, и был момент, когда удин всего оставалось чуть больше тысячи человек. Но никогда не было ни предательства. Никогда – христопродавства.

И это – люди его народа? Ну, предположим, отдадут удинам Дадиванк и ещё несколько армянских храмов. Но что будет потом, когда армян не останется, когда все они покинут Карабах? Разве очередь удин не придёт? Может, они надеются, что в награду за верную службу пантюкисты не станут истреблять или ассимилировать удин следом за армянами?

Та девушка, Самира, наверняка пыталась зазвать его именно на это сборище, и приглашала она «в Нидж», произнеся имя его родины на азербайджанский манер. На первый взгляд разница ничтожна, всего лишь один звук в конце короткого слова, но она, на самом деле, огромна. Очевидно, прими он приглашение, пришлось бы и ему стоять с теми людьми в черном, работая на азерпроп. С творцами алиевской мифологии, с рассказчиками былин, в которых армяне отняли у удин храмы и автокефалию, или вместе с арабами унижали, якобы, удинскую церковь... Да, воистину отец лжи хитер и изворотлив, а людям достаточно знания истории, чтобы разоблачить эти восточные сказки, но, кажется, «новых албанцев» это не смущает ничуть.

Понятно, что маленькому по любым меркам христианскому народу был дан шанс сделать «разумный выбор» – быть уничтоженным на родной земле или остаться на ней, но в новом, искаженном качестве, сделавшись инструментом в руках врагов христианства.

Алиеву не составило большого труда найти таких «карманных» удин, не имевших, по большому счёту, выбора.

Нет сегодня на карте села Ниж – есть Нидж, где все еще проживают четыре тысячи удин, в двадцати километрах от Габалы, недавно ещё называвшейся Куткашеном. Азербайджан в 2012 году выставил оттуда российскую военную часть, базировавшуюся при радиолокационной станции советских времён. И только сейчас, в дни новой войны в Карабахе, российские офицеры вполголоса, где-то в блогах, стали осторожно рассказывать, как поспешно им приказали собираться и уезжать. Ведь у нас усилиями азербайджано-турецкого лобби и отечественных шовинистических листков, превозносящих каждое внешнеполитическое решение, включая откровенно враждебные здравому смыслу, изобразили армян во время нынешней войны – «стремящимися в НАТО», «предателями» и «русофобами». И это притом, что Армения член ОДКБ, и на её территории базируются российские войска. А Азербайджан, официальный союзник Турции, члена НАТО, изгнал российскую часть, просто взвинтив цену аренды до небес, и избавился от российского военного присутствия, продемонстрировав туркам свою верность. И, конечно, исчезло и само слово «Куткашен». Удинское слово, хотя и звучащее на армянский лад.

Народы Азербайджана: «В гостях у удин на канале TNK»

0.01:0.03 Въезд в «Нидж». Надпись на азербайджанском языке.

0.04:0.06 По сельской дороге идет мальчик лет четырех. По обеим сторонам дороги длинные плетеные заборы садов.

0.06:0.09 На пастбище пасется белая лошадь.

0.10:0.14 Краснокирпичные крыши утопают в зелени.

0.15:0.26 Ведущая, стэнд-ап у другой надписи на щите, расположенной у кирпичной стены – Азербайджан «Уди отаги». *Мы находимся в замечательном месте, в деревушке под названием Нидж. В 20 километрах от районного центра Габалы. Кстати, эта деревушка считается самой большой в районе Габалы. Ее площадь составляет 100 квадратных километров.*

0.27:0.31 В кадре ведущая идет по дороге, уходящей вглубь села.

0.33:0.34 Возле европейского вида таунхаусов – красивый фонтан.

0.35:0.38 На деревьях натянута качели. На них качаются девочки-подростки, в гамаке – мальчик.

0.42:1.07 Синхрон Роберта Мобили: *Нидж – это прекрасное место, где проживают удины. В центре деревни – этнографический музей, старинный дом, где представлены разные предметы быта. Что можно сказать об удилах? То, что это интересный, своеобразный народ. Несмотря на все катаклизмы истории, он сохранился. Сохранил язык, культуру, традиции. Верность христианству Кавказской Албании. Это один-единственный этнос на сегодня, который сохранил христианство Албанской Апостольской Церкви.*

Почему удины представлены именно в таком ракурсе – своеобразного народа? – говорит Мобили, его голос сопровождается видами Ниджа с высоты птичьего полёта, крышами, цветущими садами. – Народ, который живет на равнинной части района. Который, несмотря на все исторические перипетии, сохранил свой древний язык.

1.17:1.23 В кадре – одетые в национальную одежду удины поют, рядом пританцовывают туристы.

В кадре – проповедник, заместитель председателя удинской общины Азербайджана Рафик Данакари: *Нидж – это прекрасный пример азербайджанской мультикультурной традиции.*

В кадре – группа мужчин в шатре, на фоне большого ковра с надписью *Тоунузубарак*.

Нидж – это модель, в которой Азербайджан представлен миру как действительно толерантная страна, где люди разных национальностей, конфессий живут в мире.

1.38:1.54 – *Это наше богатство*, – продолжает Мобили, а в кадре появляется храм с иконами, – *здесь у нас пять школ, три русские школы и азербайджанская школа! Показывают урок, нарядные дети сидят за партами, слушают учительницу. Почти все ученики в парадной форме, одна девочка с белым бантом, но в розовой футболке с надписью по-английски.*

1.56:2.27 – *На сегодня всего насчитывается порядка 10 тысяч удин. Из них компактно проживают в Азербайджане, прежде всего в Нидже, чуть более 4 тысяч человек. В кадре снова виды Ниджа сверху.*

– *Сегодня основные места проживания удин – это Россия, юг страны, это Украина, Казахстан, Грузия. Небольшая часть проживает в европейских странах. В*

основном, это историческая родина, Азербайджан, Габалинский район. Это наше материнское место.

2.28:2.45 В кадре – корреспондент, стоящий у входа в краеведческий музей. – *Есть в Нидже здания, которым более двухсот пятидесяти лет. Этот дом принадлежал семейству Гангаловых. Уже год, как это здание функционирует в качестве музея. Местный гид, которую зовут Эрна, кстати, удинка по происхождению, согласилась провести нам экскурсию по этому замечательному музею. Давайте пройдем и посмотрим.*

2.45:2.48 Открываются деревянные двери, выкрашенные в голубой цвет. На створках – вырезанные кресты. Показывается убранство парадной комнаты, затем спальни.

2.49:2.51 Маленькая комната с низким потолком, к которому крепится абажур. Две кровати с покрывалами и подушками в кавказском стиле. На одной стене – обычный советский гобелен с оленем, на другой – небольшой красный ковер с орнаментом в виде трех крестов.

2.52:2.54 Витрины шкафа с керамикой и посудой. На столике – будильник, салфетки ручной работы, зеркало, проигрыватель.

2.55:2.57 Ярко-красный, с орнаментом, ковер на полу, домотканая салфетка. Четыре чемодана, положенные друг на друга.

2.58:3.07 Корреспондент стоит рядом с Эрной и задает вопрос: *Вы можете немножко рассказать об этом музее? Чем занимался хозяин этого дома?*

3.08:3.18 Эрна, с длинными волосами, в белой кофте: *Этот дом-музей принадлежал местной удинской семье. Это один из древнейших домов деревни. В кадре –*

восковые фигуры. – *Это – известный парикмахер. А в кресле – папа. Так как не было салонов, люди приходили стричься на дом, это было рабочее место. Это фигуры тех, кто жил в этом доме.*

3.19:6.23 В кадре – зеркало, на столике – принадлежности парикмахера.

3.27:3.32 Жилая комната: телевизор, на столике на красной скатерти, на ней – кружевная салфетка. Трюмо с керамическими фигурками.

3.33:3.38 В кадре – восковая фигура швеи. Это пожилая женщина, в очках, склонившаяся над шитьем. Корреспондент: *Эрна, а можешь сказать, чем эта женщина занималась? Кто она такая?*

3.39:3.40 Эрна: *Она была известной швеей в нашей деревне, сестра парикмахера.*

3.41:3.46 Камера плавно переходит на восковую фигуру парикмахера, который бреет воскового клиента.

3.47: 3.51 Эрна: *Это – комната священника. Он жил в этом доме. Так как тогда не было церкви, люди молились в таких комнатах.* В кадре – на стене икона, красный коврик с крестом и бахромой, треножник с открытым молитвенником.

3.52:3.53 На стене – огромное число старых фотографий, в центре – портрет пожилого мужчины с иконостасом орденов и медалей.

3.54:3.59 Лужёная утварь на плите.

4.00:4.01 Самая верхняя комната под крышей, пол устлан коврами преимущественно красного цвета.

4.02: 4.06 Съёмка на улице. Виды музея. Солнечный свет пробивается сквозь густую листву. Группа людей идет мимо кладбища. Виды надгробных камней. Камера

скользит поверху, не фокусируясь, но армянские буквы надгробных надписей то и дело попадают в кадр.

4.07:4.21 Мальчики играют в футбол. Позади них – живописные густые заросли.

4.22:4.38 Корреспондент стоит возле входа в храм, видна табличка с текстом: Azerbaijan Republic The Albanian – Udi Cristian Community – Church of St. Elisey JOTARI – Церковь Св. Елисея Чотари.

4.39:3.44 *Когда-то здесь было три церкви. Но в советское время многие из них пришли в упадок. К счастью, местным жителям-удицам удалось сохранить веру предков.* На крыше храма – башня с крестом. Раздается колокольный звон. В кадре – жители со свечами идут на службу. Алтарь, свечи.

4.45: 5.34 Корреспондент, новый стэнд-ап. Возле шкафа, где за стёклами видны многочисленные пакеты, перевязанные красными лентами.

Хочу рассказать интересную историю, связанную с Гангаловыми. Девочка из этой семьи была вполне здоровой, отличницей в школе. Ничто не предвещало беды. Но вдруг в седьмом классе у нее внезапно случился паралич. У нее отказали ноги.

В кадре – пачка писем, на верхнем – в графе «от кого» написано по-армянски. На конверте – советский индекс, 374141. *Поскольку девочка была очень любознательной, она обратилась в редакцию «Молодежь Азербайджана». С просьбой, чтобы ее оповещали обо всем, что происходит в Советском Союзе. После из разных городов и республик (в кадре сухой букет и керамический портрет красивой женщины) ей начали приходить письма. И когда в 1984 году народная артистка СССР Зейнаб Ханларова посетила Габалу, она посвятила этой замечатель-*

ной девочке песню, которая так и называлась – «Эсмира».

5.36:6:20 Корреспондент, стэнд-ап у большого камня.

Местные жители рассказали мне интересную историю об этом месте. Дело в том, что это место является культовым, святым. Перед свадьбой жених и невеста приходят сюда, берут свечку, зажигают ее, загадывают определенное желание, просят семейного счастья, произнося определенные молитвы. После этого они проходят сюда и бросают в эту бутылку деньги. А потом местные жители раздают их нуждающимся.

6.21:6.23 В кадре снова въезд в Нидж.¹²

Сотни машин ехали в Дадиванк, который армяне еще называли Хутаванком, от слов «хут»– холм и «ванк» – монастырь. Они ехали прощаться с храмом. Отец Ованнес начал обряд крещения нескольких молодых армян, издалека прибывших в Карвачар специально для этого; армянские беженцы шли из районов в сторону Степанакерта, расстрелянного в который раз, но снова сумевшего выстоять, и дальше – на Ереван. Степанакерт превратился в армянский Вавилон: до войны здесь все друг друга знали, если не по имени, то хотя бы где человек работает или кто его родители, а тут небольшой и уютный Степанакерт, с его скверами, площадями и фонтанами, превратился в бурлящее человеческое море. Шли сюда и из местности, что в средние века называ-

¹² Использованы фрагменты сюжета канала Туризм ТВ Азербайджана, снятого в Ниже в сентябре 2019 года

лось Царом. Когда-то высокогорный Цар был армянским оплотом, сюда бежали из других земель Армении, спасаясь от набегов. Сейчас шли уже отсюда, как и сто лет назад, как и тысячу, когда пал Ани. Теперь вновь текли реки крови, и Аракс стал третьим кругом армянского кровообращения, а Евфрат – четвертым, и вновь дикие звери и птицы догрызали куски армянских тел, доедали фрагменты, остававшиеся от Великой Армении, и самым страшным для тех, кто выжил, станет пробуждение в пустоши, по ту сторону от родины.

Между тем, назвавшийся «протоиереем Бакинской епархии» распространял навет о якобы разрушенных в Карабахе мечетях, в связи с чем отказывал армянам в праве называться людьми. И это притом, что иранская Голубая мечеть в Ереване отреставрирована, отреставрирована мечеть в Шуши – в отличие от половины тамошних церквей, от которых остались, в лучшем случае, стены.

А карабахские армяне стояли, как сгоревшие храмы, и не падали.

Скоро в Шуши взорвут купола церкви Канач Жам, оказавшейся первой в алиевском списке подлежащего уничтожению армянского наследия. Канач Жам в советские годы превратили в ларёк минеральной воды, и храм почти разваливался, его отремонтировали после освобождения города и освятили, теперь же он снова в руинах. Как в 1930-1934 годах в Баку, когда уничтожали армянский кафедральный собор Свв. Фаддея и Варфоломея. Все, кому посчастливилось видеть это чудо «армянской готики», вспоминали, как белый мрамор в сочетании с золотым светом, летящим сквозь разноцветные оконные витражи, создавал особую, небывалую

для армянских храмов игру оттенков во внутреннем пространстве. Бакинские большевики разрушали его три года подряд, а он не рушился, пришлось взрывать. Свидетели рассказывали, что ломались камни, но кладка никак не расходилась по швам – до того надёжно сработали армянские каменотёсы, фундамент храма использовали для строительства здания Бакинской консерватории. Этот собор, спроектированный Ованесом Каджазнуни (будущим премьер-министром Республики Армения при дашнаках), возможно, был самым красивым зданием в Баку, и конкурировать с ним мог только русский кафедральный Александро-Невский собор, крупнейший православный храм Кавказа, снесённый в 1936 году. Ещё через два года архитектор Ованес Каджазнуни был расстрелян.

Так вышло, что первые свои фотографии Рустам Байрамов сделал фотоаппаратом «Зенит» в Сумгаите, когда купался на Каспии с отцом. Рустаму было лет пятнадцать, и выдалось хорошее раннее утро, на редкость безветренное, лишь к обеду напозднили тучи с севера, со стороны Дербента. Рустам щёлкал все, что попадалось на глаза: отдыхающих, ракушечный пляж с останками просмоленных рыбацких лодок и даже нефтяные пятна, причудливо переливающиеся на воде и пахнущие больницей. Следом за тучами пошла хлесткая, сильная волна, и им с отцом пришлось уходить. Хорошо еще, что это были не те легендарные шестиметровые волны, о которых рассказывал отец, видевший такие в своём детстве.

Во второй раз Рустам взялся за камеру в феврале 1988 года. Тогда отец ворвался в квартиру запыхавшийся, как от долгого бега, и застал сына, прячущегося за занавеской на кухне, – тот фотографировал толпу, избивавшую во дворе армянина из соседнего дома.

– Ты с ума сошел! – закричал отец, подбежал к нему, чтобы оттолкнуть от окна.

– Пап, никто не видит! Отдай фотоаппарат!

– А, замолчи! Мать где?

Рустам опешил: он никогда раньше не слышал от отца ругательства, даже крика.

– Она к тёте Саиде в гости пошла...

– А она что, больная? Какие сейчас гости могут быть?

Рустам понял, что видеть то, что он пытается сейчас снимать на камеру, никто не должен. Отец дрожащими руками вскрыл камеру, вырвал пленку, засветив её, и швырнул «Зенит», которым так дорожил Рустам, на диван.

– Рустам, слушай меня. Если ты ещё не понял! В окна не смотри. Не выходи из дома. Сейчас на улице быть нельзя. Там опасно.

– Пап, для кого опасно, для нас?

– Не для нас. Для армян, может, русских, но я не хочу, чтобы ты на провокацию нарвался. Или, не дай Аллах, стоял рядом, когда толпа кого-нибудь убьёт!

– Убьёт?

– Уже убили много людей, понимаешь? Девушку-армянку из дома вытащили, бензином облили, сожгли. Менты все попрятались, ни одного нет.

– Что будет с Амалией Нерсесовой?

– А я знаю? Откуда мне знать?

– Может, надо взять машину и поехать за Амалией Нерсесовой? К нам привезти?

– Исключено. Машины останавливают.

Рустам чувствовал, что отец, кажется, рад, что машины останавливают, и это словно снимает всю ответственность и с отца, и со всех, кто мог бы попытаться спасти кого-то из армян их советского индустриального города, снабжённого этикеткой «многонациональный».

Когда-то отец вполголоса рассказывал Рустаму, что в Сумгаите случались уже массовые беспорядки, на 7 ноября на демонстрацию рабочие вышли с портретами Сталина, дружинники и работники милиции стали отнимать портреты, и вспыхнула драка, перешедшая в погром. Тогда толпа разнесла отделения милиции, магазины и склады, была открыта стрельба, множество людей было арестовано. Такие антихрущевские митинги, часто переходящие в погромы, происходили в ряде городов СССР в конце 50-х: в Тбилиси, Муроме, Новочеркасске, Грозном, Темиртау, много где ещё. Сталинское время для многих ассоциировалось с ежегодным понижением цен и ростом зарплат, а неудачные экономические эксперименты Хрущёва сделали жизнь тяжелее. Люди, недовольные повсеместным подорожанием, межнациональными трениями и злоупотреблениями милиции,¹³ выходили митинговать, и заканчивалось это побоищем. В Кремле узнали о беспорядках в Азербайджане от посла Кубы в СССР товарища Карлоса Оливареса Санчеса. На приёме в ЦК КПСС он рассказал, что в

¹³ Факты взяты из статьи Игоря Леонидова «Восставший Сумгаит», *Военно-промышленный курьер* от 5 ноября 2018 г.

Сумгаите толпа избивала четверых кубинских студентов, а заодно сообщил, что там «советские люди» убивали советских же людей, били камнями окна и грабили, в общем, всё, что республиканские власти вместе со спецслужбами благополучно замели под лавку. Эти четверо кубинцев, пострадавших от погрома, проходили трудовую практику на сумгаитской теплоэлектростанции, где отец сейчас был инженером. Кубинцы в то время превратились в советскую совесть – сам Фидель, прогуливаясь по центру Москвы, был поражён, что к нему поминутно подходят тёмные личности, предлагая купить валюту, и выложил это на приёме то ли Микояну, то ли самому Хрущёву, игнорировать это было невозможно, и в СССР начали раскручивать «валютное дело». И на обращение посла Кубы власти тоже отреагировали, беспорядки в «оттепельном» Сумгаите были пресечены.

«Наверное, сейчас происходит что-то подобное», - думал в смятении Рустам.

– У нас в этом году выпускной! Что мы будем делать, если с Амалией Нерсесовной что-то случится? – спросил он отца, но тот не ответил, вышел из дома так же стремительно, как и зашел.

С улицы летели разноголосые крики, хохот и звон битых стёкол, в душу и тело его закрадывался какой-то ранее неизведанный липкий животный страх. Ему показалось, что не только армянам, но и всем теперь спокойно не жить, что хорошо теперь не будет никому, что на их индустриальный, панельный Сумгаит надвигается такая же тьма, что некогда пришла со Средиземного моря, чтобы накрыть совсем другой город, чужой и далекий. Город, про который он только

что, первым в классе, прочитал в запрещенном когда-то романе. Даже раньше, чем его одноклассник и первый умник Арман Согомонян.

Старший брат, как и Арсен, на похороны отца не полетел, он лежал на плановой операции, а Седа вернулась в Россию, в Екатеринбург, и связалась с Арсеном по скайпу. Сестра была старше на десять лет, всегда выглядела моложе своего возраста, а теперь она чуть постарела от горя, от всех волнений этих дней. Она поняла, что душа брата беспокойна, и сама стала говорить.

– Арсен, в Ниже поменяли армянские имена и фамилии все наши односельчане. Кое-кто, конечно, уехал, как мы, но старики остались, молодежи немного, но есть.

– Как там настроение у людей, Седа?

– Люди спокойны, брат. Живут достойно, не нищенствуют. Стараются забыть прошлое, о нём не говорят. Азербайджанцы разрешили открыть в Ниже музей удинской культуры.

– Нас сдали в музей, да, Седа? – пробовал пошутить Арсен. Седа замолчала, задумалась, она явно чего-то не договаривала. Если бы Седа хотела упрекнуть брата в том, что он не поехал в Ниж, она бы начала с этого, но тут за её фигурами умолчания скрывалось что-то иное.

– Ну, музей удинской культуры, «Удинский оджаг». Дом Гангаловых, постройки разные, все под старину. Колодец, родник...

– Сед, а там есть экспозиция, как удин убивали, ну, или, на худой конец, гнали из Нижа? Если толерантность в этом султанате будет нарастать, то бакинским армянам тоже могут открыть музей, чем черт не шутит.

– Арсен, я понимаю, что ты их до сих пор ненавидишь, но времена изменились.

– Турок уже не тот, верно, сестра?

– Арсен, отец покоится рядом с родителями и всеми нашими. Знаешь, я просто за эти годы не думала, сколько там осталось наших могил. На кладбище убрали армянские надписи, перестали говорить на армянском. Теперь мне кажется, что я тоже хочу туда уехать умирать, когда время придет.

– Наверное, и книги на армянском сожгли? Библию тоже?

– Многие так и сделали, и, кажется, трудно людей за это осуждать, книги жгли и на русском языке, и на азербайджанском, когда зимы стояли холодные. В нашем доме остались армянские книги, правда, Мариам убрала их на чердак...

– Мариам?? Какая Мариам? – вскрикнул Арсен. Седа поняла, что сказала лишнее, и придется договаривать.

– Мариам Джейрани, твоя одноклассница...

– Как она оказалась в нашем доме?

– Арсен, она давно там живет.

– Живёт?? Почему я только сейчас это узнаю?

– Мы не говорили тебе. Мариам с сыном ушла от мужа через три года после свадьбы. Родители её осуждали, ты же знаешь, какие они были. Через тетю Розу она и спросила. Что тут было спрашивать? Мы её все любили и так радовались, когда вы...

– Значит, все эти годы отец ездил в Ниж, жил в нашем доме, и Мариам с сыном там жила? А мне ничего не говорил?

– Все знали, и мама знала, просто мы тебе не говорили. Не хотели тебе боль причинять. Ты же хрупкий, переживаешь сильно. Да и женился ты, думали, успокоился.

Седа говорила с грустью, чуть замедляя речь. Видимо, очень ударили по ней все эти похоронные хлопоты.

– Но можно же было сказать мне? Меня тоже это касается, разве нет?

– Арсен, прости, вышло, как вышло. Мариам к нашему папе относилась, как к своему. Когда отец бывал в Ниже, Мариам готовила ему, ухаживала за ним. Папа умер на пороге нашего дома. Вышел из сада, где деревья подрезал, сел на ступени у порога, прислонился к косяку и умер. Умер тихо, как будто вздохнул и уснул.

– Откуда ты это знаешь? Были свидетели?

– Гьо¹⁴, родной, Мариам видела. Она была во дворе. Увидела, как он пилу положил и к дому двинулся странным шагом. Она и позвала соседей на помощь, и хоронила его вместе со мной. Слушай, я приехала в Ниж, улицы не узнать, дома почти все другие, люди тоже. В доме Мариам ремонт сделала, только твою комнату не тронула, там всё, как было. Она все еще красивая, хотя и поседела, и взгляд стал другой. Знаешь, что подумала я? На всё Божья воля, конечно, но жаль, что у вас так всё вышло.

¹⁴ Удин. «да».

Седа поглядела на потрясённого брата и поняла, что ему надо переварить услышанное и пора заканчивать разговор, она попрощалась, и в комнате Арсена погас экран, а он сидел перед ним ещё долго и думал: «Кому нужны были эти годы разлуки и пустоты?».

Я не стал расспрашивать сестру, о чем они с Мариам говорили. Вряд ли о моей жизни, женитьбе. Впрочем, Мариам, наверное, знала, что брак мой не был счастливым, что детей нет, но что она могла обо мне думать все эти годы? Ей не в чем упрекнуть меня. Конечно, я не вернулся бы туда, даже ради нее, но я мог дать знать, что жду её тут, в России. Её, удинскую деревенскую девчонку, наверняка бы не отпустили ко мне. Хотя откуда мне было знать? Неизвестно, как она действовала бы, может, настояла бы на своём, добилась бы родительского благословения, написала бы письмо... Всегда думал о ней, как о хрупкой девочке, но она оказалась сильнее. Её семья не бежала из Нижа, как мы. Никогда не думал, что сейчас, годы спустя, то бегство можно расценить как слабость. Когда звери убивали армян в Сумгаите, бегство, даже то, паническое, было не слабостью, а повиновением инстинкту, позволяющему уцелеть. Героизм, когда тебя стая волков грызет и рвет, он как будто на их стороне, на стороне смерти. Удин не убивали так, как армян... Но мы знали, что в мусульманских деревнях нас называют «эрмени» и никак иначе. И если бы мы стали опротестовывать это армянство, кричать, что мы не армяне и не разделяем с армянами веру и историю, то и это, скорее всего, мало бы что

«изменило. Тогда никто не знал, что удины «пригодятся», что на самом верху бакинской власти прозвучит окрик и погромщикам запретят нас трогать.

В отличие от армян, написавших сотни страниц о погромах в Сумгаите и Мараге, удины молчали, не злили зверя, признавшего их сегодня музейным экспонатом и ценным геополитическим ресурсом, в благодарность за послушание и верную службу на ниве антиармянской пропаганды.

А эта хрупкая девочка, моя Мариам, все эти годы поддерживала жизнь в нашем доме. На ее руках умер мой отец. И это она звала на помощь односельчан, стараясь найти в нем остатки жизни. Никто ведь не виноват в том, что с нами произошло? Таковы были обстоятельства?

Мне больно, я – армянин! Нет, не армянин? Я... Так кто же я?

Природа иногда создает переходные формы, этих летучих рыб. Так случается порой и по воле людей, когда, при бомбардировках рек оружием с урановой начинкой, бессильные птицы падают головами вниз, а обугленные рыбы взлетают, и где-то в сакральном пространстве они встречаются и приветствуют друг друга перед смертью, птицы и рыбы из разных миров, меж двух стихий, небесной и водной. Но есть «летучие рыбы» и среди нас, на земле – такие, как я.

Я долгие годы прожил как частица моего уходящего народа, говорящего на языке, самом близком из всех ныне существующих к языку албанских текстов.

Но я не сумел, а может, и права не имел, прочертить в своей природе и судьбе линию, что отгородила бы во мне армянскую суть от сути народа, в котором я рожден. Нет, я не полукровка.

Я не полуармянин.

Я не полуудин.

Я – удин.

Я – армянин.

Я – Ашот, Гарегин, Гурген, Микаэл, Ованес, Мушег, Сероб, Самвел, Аветис, Гагик, Галуст.

Сто лет назад и меня распинали на кресте в Нухинском и Арешском уездах Елизаветпольской губернии. Семейные рассказы об этом передавались из уст в уста, шепотом, в надежде, что наши дети смогут выжить, если будут знать, чего нужно опасаться. У меня нет детей, так вышло, но я шептал самому себе, и слова молитвы на луну, услышанные от бабушки, путались с обрывками акафистов.

Это к моему отцу в 1988 году подошел знакомый азербайджанец и прокричал в лицо «Ты армянин, ты армянин», зная, что перед ним – удин. Когда отец добрался на машине из Зарагана, орали уже другие: «Чем докажешь, что удины не армяне?». А рядом стоял тот, кто сегодня, напивлив сутану, принимает «в дар» от алиевского режима армянский Дадиванк; сегодня он – «известный удин», очиститель нашего народа «от армянского засилья». В тот день он стоял в толпе, такой же молокосос, как я, и орал на моего отца: «Армянин, армянин»...

Я не выдержал и сказал:

– Ты же сам удин, зачем называешь нас армянами?

– Ваш предок был священником!

– Ну что?

– Его сюда из Эчмиадзина послали, и он остался. А мы всегда тут жили.

Тут он начал бахвалиться, что он будет первым удином, кто станет называть себя азербайджанцем. Потому что время пришло, что теперь все мы – единая нация, тюрки, азербайджанцы. Он вошел в такой раж, что подошел и ударил меня по лицу. Я только хотел ударить в ответ, занес было руку, но отец схватил меня за плечо, вытащил из беснующейся толпы и медленно, чтобы не спровоцировать охоту за нами, мы пошли к дому.

Прошло несколько дней, и пошли слухи, что Горбачев приказал удин не трогать. Сейчас понятно, насколько дико было верить в то, что Горбачев из бесчисленного множества советских племён, вдруг выберет для спасения именно его, Арсена, маленькое племя. Армян уже вовсю притесняли, убивали в Кировабаде, утюжили танками в Мараге, заживо сжигали в Баку, и тогда отец решил любым способом уехать из Нижа, увезти нас.

Старший брат жил в Краснодаре. Мы приехали в аэропорт, билеты были куплены заранее, чтобы не пришлось подходить к кассе. Но в зале отца узнал один старый знакомый, азербайджанец, и закричал: «Дядя Гарегин, здравствуй, куда едешь?». Отец промолчал, хотя был не робкого десятка. Когда мы пошли на регистрацию рейса, там собрались люди, услышавшие, что мы, якобы, армяне. Раздались призывы, обращённые к девушке у регистрационной стойке: «Не пропускай его, он армянин», а девушка накричала на них: «А вам какое

дело – армянин он, не армянин?!». И зарегистрировала нас на рейс. Я был сильно напуган.

Мои маленькие племянники, дети сестры, как будто понимали, что шуметь и говорить нельзя. Как подошло время посадки, мы двинулись к самолёту. Опять та же сволочь, старый знакомый отца, на весь аэропорт кричит: «Дядя Гарегин, это как ты регистрацию прошёл?». И тут вижу: азербайджанцы на нас смотрят, медленно собираются вокруг нас. Отец взял на руки младшего внука, обнял мою сестру, а другой внук рядом с мамой встал. Подошли мы к трапу и молча стоим. Ничего не говорим. Как будто весь мир замер. И вдруг слышим из здания аэровокзала жуткие крики – там избивали кого-то, ясно, что армянина. И в тот момент, когда даже я почувствовал, как одни азербайджанцы подошли вплотную к нам, а другие, наоборот, стали отходить от нас подальше, пришли милиционеры. Никто ничего не говорил. Один милиционер взял у отца документы и ушел. Другой остался. Пришла стюардесса, принесла документы, и нас первыми впустили в самолет, указали на наши места, и мы тихо сели в один ряд. Потом поднимались другие, и никто на нас не смотрел. Потом отец сказал мне, уже в Краснодаре, что не смотрели на нас не столько от злобы, сколько от вины. Но отец их не винил. В Краснодаре я решил изменить свою армянскую фамилию на «удинский» лад. Изменил окончание. Так и получилось, что родители жили по старой фамилии, а я – по новой. С ощущением безысходности я слушал в те годы блатную песню «Я куплю тебе новую жизнь», и вокруг сновали они, новые хозяева жизни, в малиновых пиджаках и золотых цепях. Они торговали патронами из разграбленных армейских

складов, выкручивали золотые плафоны в бахрейнских отелях, и содержание этой новой жизни не имело к нам никакого отношения.

Через несколько лет отец начал ездить в Азербайджан, в наше село, никто его ни в Ниже, ни по дороге не трогал. Удины стали властям нужны, и жителям мусульманских сёл округа велели терпеть наше присутствие, как теперь понимаю, приберегать для теперешней витринной жизни.

Я был тем, кто любил...

Я тот, кто до сих пор любит...

Мариам, прости, я не хотел тебя вспоминать, просто так вышло.

В ночь на 9 апреля (еще до недавнего времени в эти дни Армения отмечала один из самых любимых праздников – День материнства и красоты) в аэропорту Эребуни собралась кучка родных и близких пленных военнослужащих. Гоар знала, что готовится провокация, но не могла противиться решению матери – та твердо решила идти встречать сына, ее мальчика, которого ей пообещали вернуть.

Мать потеряла голову от горя, и ей не нужна была правда, что пыталась донести до нее дочь, ей нужен был миф о спасении, хоть что-то, что дало бы сил жить. У неё оставалась надежда, которой не было у тысяч женщин, идущих к могилам на Ераблур. Туда тянулись матери – к сыновьям, жены – к мужьям. Шли девушки – в январскую и февральскую ереванскую стужу в одних подвенечных платьях, с потекшей тушью на лицах. Шли под руку

с парнями в строгих, с иголки, костюмах, с букетами роз, шли, не выждав положенного траура, чтобы испросить у отцов благословения, торопясь, потому что армянская жизнь нынче коротка.

Только безумец может позавидовать армянину с корнями из Западной Армении. Завидовать можно разве только тому, что у западного армянина есть возможность съездить и увидеть родину: Карс, Ардаган, Муш, Битлис. Достаточно проехать через Грузию, хотя от Гюмри до Карса, этих схожих, как зеркальные отражения, окраинных центров Российской империи, примерно шестьдесят шесть километров. Это всего минут сорок езды, если по прямой, через реку Ахурян и её глубокое ущелье, уже более века разделяющее Армению.

Я видел людей, вернувшихся с берегов озера Ван. Извечный турецкий страх, что хозяева этих мест вернуться, и потребуют своё, отразился в новом поверье, будто в Ване водятся чудовища. Тамошняя жёлтая пресса доходит до полного абсурда: очевидцы описывают существа с длинными шеями, напоминающие плезиозавров, более пятнадцати метров в длину. Чтобы сфотографировать чудовище, турки даже приглашали японских исследователей. Новым хозяевам этой древней армянской земли, с её водопадами, реками и озерами, ничего не стоило отравить это озеро, в Ван сегодня сливаются сточные воды множества турецких и курдских деревень и токсичные отходы фабрик, да так, что запах нечистот разносится ветром на километры. Озеро стало сжиматься, уровень его упал, и открылись

крохотные островки со средневековыми скитами и часовнями. И нет в округе ни единого упоминания об армянах, живших здесь веками, и о том, что для них это озеро священо.

Один армянин рассказал, как однажды во время паломничества в Западную Армению к его джипу подошел оборванный, рано состарившийся курдский пастух, с лицом, изборождённым, словно незаживающими ранами, глубокими морщинами, и почти полностью сгнившими зубами. Он упал на колени перед дорогой машиной армянина, столь неестественно выглядящей тут, в глубоком захолустье, где вокруг – лишь камни, стада овец и порой черепа армян, большие и чуть поменьше, упал, стал целовать бампер и крикнул по-турецки:

*«Ты – первый армянин оттуда, которого я увидел. Счастливы и прокляты мои глаза».*¹⁵

Был он, конечно, тоже армянином, из тех, что скрыли когда-то своё происхождение, перейдя в ислам. Из тех, кого называют криптоармянами.

Они возвращаются в Армению с такими глазами, эти бывшие западные армяне... Нет, их глаза не присыпаны пеплом, но глядят они так, как будто всё, что происходило, произошло только вчера и с ними самими тоже. А я всё же завидую им. Они могут ступить на землю, где были рождены их прадеды и деды, пусть от

¹⁵ Случай был рассказан автору армянским журналистом Сергеем Мовсисяном, совершившим паломничество в Западную Армению.

их домов ничего не осталось, а я не могу, хотя мой дом и цел. Не оттого, что мне это запрещают, а потому что я сам себе это запретил.

Во время последней балканской бойни Эмир Кустурица, босняк, то есть, мусульманин, стал православным. Он сказал, что его далекие предки когда-то были сербами. В 1992 году его дом в Сараево был разрушен, и отец Эмира не перенёс этого удара, умер от сердечного приступа. Эмир никогда больше не ездил в этот город, там его стали травить босняки, соотечественники, за уход из ислама и за то, что он занял сербскую сторону. И лишь на сорокалетие своего фильма «Помнишь ли ты Долли Бэлл?», снятого на окраине родного города, Эмир пролетел над ним на самолете.

Я никогда не побываю в Ниже.

Мы все никогда не будем в своём Сараево.

Люди в рясах, деловых пиджаках и толстовках выходят из КамАЗов и возмущенно гудят. «Мы не военные. Мы удины, малый народ Закавказья. Христиане из Азербайджана», – объясняет мужчина в скуфье и подряснике и направляет толпу к монастырю. Но дорогу преграждают армянские монахи.

Корреспондент РИА Новости одна из первых побывала в Кельбаджаре после перехода этого региона

*под контроль Баку и послушала споры о принадлежности Дадиванка.*¹⁶

Армяне и азербайджанцы холодно приветствуют друг друга. Отец Борис, пытаясь снять напряжение, возбужденно кричит: «Вот так встреча! Заскочил поздравить российских миротворцев с Пасхой, куличей привез, а тут вы! Христос воскрес, братья!». «Воистину воскрес!» – сухо отвечают удины и пытаются обойти армян. «В храме служба. Подождите», – говорит глава армянской общины в Дадиванке иеромонах Нерсес.

Азербайджанские паломники возмущены. «Были тут на Рождество, нас не пустили. Снова ищите какие-то причины», – негодует мужчина в подряснике. – «Рафик Данакари», – представляется он нам.

Православный священник предлагает удинам провести службу в одной из часовен монастыря. Те неохотно соглашаются.

Разрядив обстановку, довольный отец Борис выстраивает российских миротворцев перед Дадиванком, как на плацу, и возглашает командным голосом: «Христос воскрес!»

«Воистину воскрес!», – хором откликаются военные. У них здесь небольшой контингент.

До карабахских событий тридцатилетней давности удины были прихожанами Армянской апостольской церкви, а теперь в Азербайджане армянских приходов нет. «Баку поддерживает удин, однако христианские

¹⁶ В текст повести вошел фрагмент фоторепортажа корреспондента РИА Новости Галии Ибрагимовой «Храм на горе» от 30 мая 2021 года.

церкви их не признают. Я знаю, кто меня рукоположил в сан. А они?» – задается вопросом дьякон.

Удины приезжают в Дадиванк не ради веры – из-за политики, уверены армяне. Азербайджан, по их мнению, стремится подменить принадлежность армянских святынь Карабаха, представить их как албанские. «Уходя из Карвачара, наши люди сжигали дома, уносили христианские реликвии. Боялись, что азербайджанцы надругаются над ними», – вспоминает иеромонах Нерсес.

Вокруг не только горные пейзажи, видны и обугленные стены домов. Окон, дверей нет, черепица на крышах пробита. Настоятель монастыря обводит рукой окрестности. Перед обителью – укрепления, КПП. На ветру полощется российский триколор.

В этом мае клубника в Ереване повсюду, – подумала Гоар. Она только что вернулась из Вардениса. Находиться там было страшно, хотя она и запретила себе даже мысленно произносить слово «страх».

На днях она увидела ролик, снятый в Москве. Там к армянской девочке, стоявшей в одиночном пикете у посольства Азербайджана с плакатом «Вернуть всех армянских пленных Карабахской войны», подошел рыхлый, раскормленный азербайджанец, широко, как сумоист, ставящий ноги, и попытался ее запугать своими туловом и речами, мол, неужели у армян мужчины все кончились, раз на пикете стоят девушки? На что Аревик, так ее звали, ответила, что все армянские мужчины сейчас воюют, поэтому женщины и стоят тут, что не зап-

решено законами Российской Федерации, и требуют вернуть пленных солдат домой.

Ежедневно стояла с плакатом – напротив бронзового Муслима Магомаева и персидского поэта Низами, присвоенного азербайджанцами по сталинскому благословению, – и Нина, беженка из Шаумяновского района. В годы первой Карабахской войны, когда азербайджанцы изгнали оттуда армян, она была совсем юной. А теперь она женщина в возрасте, хотя и отправляется она на вахту у проклятого посольства тайком, скрывая это от своей совсем старой матери. Стоя тут часами, она шепчет молитву, которую придумала сама, надеясь, что эти слова долетят до небес и вернут пленных армянских солдат, таких юных, из бакинских застенков и пыточных камер.

Гоар ничего не удалось узнать о Самвеле. В армянскую среду просочилась информация о том, что пленных зверски избивают, пытаются, и Гоар делала всё, чтобы уберечь от страшных вестей мать. Сейчас Гоар шла по Еревану, который, казалось, был все тот же – солнечный, яркий, любимый, но что-то в его облике виделось зыбким, призрачным, как будто стены домов из розового туфа теперь были пропитаны копотью недавней войны. Клубника же была повсюду, во всех домах стояли наполненные эмалированные тазы, и хозяйева щедро выставляли ее гостям. Свежей, душистой ягодой были засыпаны доверху ящики овощных лавок и районных магазинов, а слегка подвядшей, успевшей пустить сок – заполнена пластиковая тара на полках супермаркетов. Клубнику приносили на праздники, что, несмотря на тяжелый поствоенный фон, всё же происходили, выставляли на презентациях под шампанское, а

молодые парни, отправляясь к девушкам, брали упаковки клубники в придачу к букетам.

Ей, Гоар, тоже принесли клубнику, это был молодой, застенчивый водитель, подвозивший ее как-то, и выпытавший у соседей номер ее квартиры. Армения осталась сама собой, она не только зализывала раны, хоронила, искала погибших и отпевала. Армения всё еще находила силы для любви. После сдачи Шуши, после всего случившегося кошмара, Армения выбиралась, прекращала выть в подушку, и снова заработал феноменальный механизм этой страны, сближающий людей – страны рефлексивной, но справедливой и отходчивой. Стали забываться старые обиды и та вавилонская разногосица «бархатных дней революции». С фронта возвращались ребята, порой с тяжелыми увечьями, и тут находились активисты, навещающие бойцов в солдатских домах, где подлечивали, откармливали, подыскивали работу. На ереванском Вернисаже работала отдельная благотворительная ярмарка, сборы шли на поддержку ветеранов и их семей, и здесь же, на жаровнях, выпекали жингалов-хац, прославленные арцахские пирожки с зеленью, продавались вязаные узорчатые носки, рукавицы и прочие поделки, и композитор Ара Геворкян, автор легендарной мелодии «Арцах», раздавал автографы по соседству.

Гоар решила, что любовь сейчас не для неё. Разрыв с Арсеном, пленение брата и катастрофа, случившаяся с родиной, это позорное соглашение – все это словно лишило ее тела права чувствовать, и странно было ей видеть эти крупные, как на подбор, сладкие ягоды – кровопролитная война, почитай, что ещё не отгрелась. Было в этом клубничном засилье нечто близ-

кое ломтям арбуза, изображённым Фридой Кало накануне смерти, и той «кладбищенской землянике», которой «вкуснее и слаще нет».¹⁷ Всего полгода прошло с боёв, с гибели нескольких тысяч армянских солдат. У многих воинских могил Ераблур¹⁸ появились миниатюрные новогодние ёлки, и матерей, которым было чуть за сорок, успевших проститься с сыновьями, уводили оттуда под руки. Еще недавно, с приходом новой власти, клубника стала одним из символов так называемой Новой Армении – вошедший в раж «варчапет» как-то провозгласил, что при «бывших» в армии скверно кормили солдат, а теперь выдают даже клубнику на десерт.

Живы ли теперь те, кого тогда угощали клубникой?

Еще не прошло и года после сорокачетырехдневной войны, а на Севане, где теперь совсем недалеко от одного берега встали азербайджанцы, на другом берегу армяне наслаждались курортной жизнью, ели что-то вкусное и бросали остатки откормленным огромным чайкам. А на скалистом полуострове, на самом верху, в Севанаванке, древнем монастыре с коллекцией хачкаров из светло-зеленого андезита, добытого здесь же, на озере, пожилая служительница, ругаясь, гнала прочь двух сорокалетних мужиков в спортивных костюмах и резиновых шлёпанцах на босу ногу, гоготающих так, что

¹⁷ Строка из знаменитого стихотворения Марины Цветаевой «Прохожий».

¹⁸ Ераблур — военное кладбище, расположенное на вершине холма в предместьях Еревана. На Ераблуре покоятся герои Армении, а с 1988 года здесь хоронят армянских воинов Карабахской войны.

смех перекрывал шепот молитвы – тех немногих, кто еще умел и хотел молиться.

Для стороннего взгляда Ереван был полон легкой и непринужденной летней жизни, и в то, что всего в двух часах езды от города – берут в плен, пытаются, убивают, грабят – не верилось. На скамейках с надписью «Еревану 2800 лет» сидели с потусторонним видом грустные старики, еще недавно уважаемые инженеры или строители с легендарных заводов «Ераз», «Наирит» или «Ереванпроекта», толпились подростки возле *пул-пулаков* – фонтанчиков с питьевой водой, и бегали нарядные дети. Но время от времени в поле зрения попадали молодые мужчины, обязательно в черных очках, неловко передвигающиеся на костылях, с пустой штаниной, подвёрнутой и закрепленной булавкой, или прокуривающие одну сигарету от другой, держа в единственной уцелевшей руке. С двумя руками шли они в геенну войны, и увечными возвращались в жизнь.¹⁹

Наш странный мир в очередной раз переиздавал свои полуистлевшие, но вечные офорты, где смерть слита воедино с чувственным наслаждением, агонией и распадом. Чуть больше ста лет назад, в самом конце победоносной войны с турками, был убит греческий король Георг I, а позже болгары резали головы сербским братьям, а румыны – болгарским, курды, туркмены и черкесы разоряли и убивали армян, а в ещё благополучном Петербурге газеты предлагали «испробовать новейший экстракт, укрепляющий мужскую силу», «пи-

¹⁹ Перифраз «Лучше тебе увечному войти в жизнь, нежели с двумя руками идти в геенну, в огонь неугасимый, где червь их не умирает и огонь не угасает», Ис. 56:24

люли Аполло для дам», чайные ложечки «бразильского серебра» и «страусиные перья из Лодзи».

Арсен сел к компьютеру, начал искать подробности о выставке Рустама и тут наткнулся на фоторепортаж из Дадиванка. Он еще не решил, лететь ему в Дербент или нет. В Нагорном Карабахе ситуация была накалена даже в сакральных местах, под присмотром миротворцев. Было ли такое еще где-нибудь в мире? – думал Арсен, – Может, и было. Наверное, так молились балканские христиане, те же косовские сербы, в девяностые годы или еще при османах. Сохранилось предание, что во время одного из турецких вторжений в Сербию, перед битвой на Косовом поле, среди османов находился небольшой отряд армян. Увидав, что турки огнём и мечом принуждают христиан к переходу в мусульманство, армяне приняли сербскую сторону, воевали с турками, а после – основали монастырь Ерменчич, что близ горы Озрен. Церковь этого монастыря по сей день сохранилась. Уцелело несколько надгробий армянского кладбища в Белградской крепости, где в последний раз хоронили в XVII веке, а после его разрушили турки, как сегодня они разрушают храмы и кладбища Арцаха.

Железные Ворота, город Дербент, в древности был северным пределом Кавказской Албании, и, оказавшись там, он, Арсен, окажется на краю албанской земли,

если вообще может быть край у давно несуществующей страны, от которой ничего не осталось, кроме удин. Великая история, священное поле его народа, где полу-легендарный герой Джеванджир отражал набеги хазар.

Да, все это прекрасно и наполняет особыми ощущениями, но сейчас нужно ехать в современный, полу-азербайджанский Дербент, на выставку работ азербайджанца, и это – после всего, что произошло. Арсен считал Рустама другом, но не мог представить, как теперь посмотрит ему в глаза. Арсен едва ли представлял, что сегодня чувствуют азербайджанцы, из числа тех, что не поддались ненависти к армянам, внушаемой десятилетиями, ещё с советских времён. Те азербайджанцы, которые, как Рустам, не считают героем Рамиля Сафарова, убийцу спящего армянского офицера, награждённого за этот «геройский» поступок Алиевым. Арсен помнил, что это убийство в Будапеште, на курсах, проводившихся в рамках программы НАТО с символическим названием «Партнерство во имя мира»,²⁰ не одобрили только единичные азербайджанцы, представители интеллигенции, а основная масса восприняла это с восторгом.

²⁰ Сафаров Рамиль Сахиб-оглы – азербайджанский офицер, в 2004 году в Будапеште зверски убивший спящего армянского офицера Гургена Маргаряна. В 2006 году был приговорён венгерским судом к пожизненному тюремному заключению. 31 августа 2012 года был передан Азербайджану для дальнейшего отбытия наказания, в тот же день был помилован указом президента Азербайджана Ильхамом Алиевым. В Азербайджане Сафарова встретили как героя, он получил в подарок квартиру и был повышен до майора, с выплатой жалования за восемь лет, которые он провёл в заключении.

Арсену было страшно не узнать в нынешнем Рустаме того, прежнего. Возможно, волна победной эйфории и с него стёрла человеческие черты. Один британский журналист, Томас де Ваал, в книге про Карабах «Черный сад» писал о лучших друзьях, армянине и азербайджанце, которые в войну видели кошмары – как один целится в другого. Правда, эта книга не помешала ушлому британцу выбрать «правильную» сторону, ту, что готова платить, и впоследствии он хорошо зарабатывал на Карабахской войне, обслуживая азербайджанский агитпроп. Томас откопал себе золотую жилу, но так и не понял главного: между армянами и азербайджанцами сегодня пропасть настолько глубокая, что о совместном проживании речь идти не может. Армяне могут жить с мусульманскими народами, но не с теми, для кого национальная идея – это захват территории армян, не с турками и не с азербайджанцами. Как легко говорить вещи потенциально верные, но не применимые в данном случае, о том, к примеру, что дружба лучше войны, о том, что хорошо быть толерантными и требовать толерантности от жертвы, а не от убийцы, и всё это – за хорошее вознаграждение. «Будьте толерантны к тем, кто веками вас истребляет, потому что они мне платят, а если не будете, я найду и у вас преступные намерения, всё можно найти, если хорошо поискать!».

В тот же день, когда Гоар отправилась в Степанакерт в новую рабочую поездку для «Русской недели», Арсен вылетел в Махачкалу. По дороге, в Каспийске, он увидел

современные микрорайоны и строящуюся на пожертвования самую большую мечеть в Европе, вместимостью в двадцать две тысячи человек, и случайно познакомился с цнальскими лезгинами,²¹ они и подвезли его, увидав, как он на сорокоградусной жаре ждёт запаздывающую маршрутку.

Арсен ехал с ними в черном джипе, на лобовом стекле которого на шнурке висел брелок в виде волка, и ощущал, что эти двое лезгин-мусульман, что младше его в два раза, и он, удин и христианин, явно ближе друг другу, чем это могло бы показаться со стороны. Ведь удины и все лезгины, какие есть, – потомки Кавказской Албании. И часовая поездка до вокзала Махачкалы закончилась обедом в кафе, где обычно подавали афарар, почти такой же, как удинский афар. Правда, оказалось, что афарар с зеленью закончился, и официант предложил вечерний чуду²² с тыквой.

– Ни тебе, ни нам, – сказал владелец машины Хан, качая головой.

Разговор вскоре зашёл о политике. Арсен спросил, что происходило осенью, когда в ноябре азербайджанцы Дербента вышли шумно праздновать победу.

– Когда в октябре шли бои, кто-то повесил азербайджанский флаг на ворота Орта-капы,²³ – начал второй попутчик, которого тоже звали Арсеном. – Поскольку дагестанский и азербайджанский флаги

²¹Цнал – село в Хивском районе Дагестана.

²² Чуду – тонкие пироги-лепешки с различной начинкой, тесто которых замешивается на натуральном йогурте или кефире.

²³ Орта-Капы (турки «Средние ворота») – одна из достопримечательностей Дербента, третьи ворота южной стены.

похожи,²⁴ не сразу заметили, но потом его полицейские сорвали. Лезгины шумели, конечно, возмущались провокацией азербайджанцев, даже появилось видео, в котором один активист эмоционально комментировал произошедшее. А потом еще, на следующий день, на Instagram-странице главы города Хизри Абакарова появилось сообщение, что в мэрии прошло совещание с участием представителей национальных общин Дербента, где тоже осудили провокацию.

– Ну, вот, – ушел в свои мысли Арсен. – Миру нужно было, чтобы Армения похоронила пять тысяч лучших своих сыновей, чтобы содрогнуться и прозреть. Не всякое прозрение светло, конечно, но лезгины смогут. В конце концов, если удин почти всех стерли, остались еще лезгины. Это ведь тоже подлинные носители «кавказско-албанского» духа, как ни стараются его потеснить пантюкистским или «общееисламским» самосознанием. Арсен наслаждался этой подаренной ему на пару часов атмосферой братства, и казалось, его разрубленное мироощущение стало срастаться, как части мёртвого тела, сбрызнутого живой водой.

Прощавшись, Арсен сел в раскаленную электричку «Махачкала-Дербент» и погрузился в любимый с детства дорожный уют, сдобренный тряской и колёсным шумом. Переговаривались – то на русском, то на местных языках – пожилые женщины в цветастых платьях и платках (совсем, как у мамы, подумал он),

²⁴ Флаг Дагестана включает зелено-сине-красные полосы, флаг Азербайджана – сине-красно-зеленый, с восьмиконечной звездой и полумесяцем в центре на красной полосе.

шумела облепившая окна детвора всех возрастов, а поезд шёл себе вдоль побережья. Арсен вскоре заснул, так крепко, как давно не удавалось, и, кажется, во сне снова ссорился с Гоар, что-то писал ей в мессенджер, а чья-то невидимая рука, одно за другим, стирала его сообщения.

Он проснулся от толчка, его будили. С трудом разлив веки, он увидел красивую девушку, и спросонья она напомнила ему Мариам.

Маленький рубин, упавший из рая, пробил мою душу...

Дербент погрузился в тёплые объятия южного вечера, неотличимого от ночи, и каждый дом, с огромным прошлым, с историей, обрушивал на него свою тень. Арсен поселился у товарища по московской жизни, прямо на улице Ленина.

Калитка тяжелых кавказских ворот тут вела в узкий проход между домов, принадлежащих азербайджанцам, а еще каких-то десять лет назад в этих домах жили горские евреи. Проход вёл во двор, «майлу», где между домов были натянута бельевые веревки, увешанные полотнищами простыней. Этот двор, с внутренней, скрытой жизнью, с ночными посиделками на диванах, с чаем и кусковым иранским сахаром на низком столике, чем-то напомнил ему другую майлу, что он видел в Араратской долине, когда гостил в семье армянского поэта. Там тоже были ночной чай, мальчишки с футболом, щипцы для колки орехов – так же было когда-то и в Баку. И как же эта уютная жизнь может моментально взорваться, стоит лишь где-то – в Москве, в Анкаре, неважно где – нажать кнопку. И вот уже сосед, азербайджанец, который практически никогда не

бывает в мечети, разве только слушает радио из Баку, пока его ребенок смотрит русские мультфильмы, может обратиться зверем, убийцей, чтобы не отдаляться от соплеменников. А еще – чтобы забрать себе этот маленький домик, где и сегодня еще живут армяне, единственные армяне в этой майле-магале. И хозяйка этого дома, однажды, услышав беседу про «других», магальских, окраинных азербайджанцев, тех, которых недолюбливают живущие в центре или у моря, сказала:

«Слушайте, да прекратите вы делиться – магальские–не магальские, чем вы отличаетесь-то друг от друга?»

И хором, переходя на привычный галдеж, ей принялись возражать, находя тысячи причин не считать себя такими, как те, украинные.

Выходцы из азербайджанских деревень, переселившиеся на этот, российский берег Каспия, уважали дагестанский уклад, то было веками выработанное равновесие, оплаченное жизнями огромного числа горцев: хотя и не очень хотелось им, пришлым, уважать армян, но приходилось. В азербайджанской прессе появлялись статьи о том, что Дербент – это азербайджанский город: своего пика эти претензии достигли в 2015 году, на празднование 2000-летия города, но взаимностью Дербент не ответил. Это не то наследие, которое легко подмять под себя. В октябре 2020 года, когда все еще шла война в Карабахе, возле смотровой площадки цитадели Нарын-Кала, выше той, круглой, где в древности было лобное место, появился памятник поэту Низами, и дагестанские СМИ подчеркнули, что поэт принадлежит именно персидской культуре.

Боги, боги мои! Как грустна вечерняя земля! Как таинственны туманы над болотами. Кто блуждал в этих туманах, кто много страдал перед смертью, кто летел над этой землей, неся на себе непосильный груз, тот это знает. Это знает уставший. И он без сожаления покидает туманы земли, ее болотца и реки, он отдается с легким сердцем в руки смерти, зная, что только она одна успокоит его, – прочитала Мариам начало последней главы и задумалась, глядя, как хорошо разгорается огонь в очаге. Наверное, когда-то и Арсен, еще мальчишкой, сидел на этом месте и глядел в огонь. Выходит, что теперь их связывал лишь этот огонь и стены дома, его дома, а еще книги. Одну из них она нашла на чердаке, потемневшую, попорченную влагой, оставшуюся со времён, когда они с Арсеном заканчивали школу. Прошло уже тридцать лет, она, Мариам, уже, страшно сказать, бабушка, ведь два года назад женился Давид и подарил внука. Живут они не здесь, в Дагестане, навещают редко, но она и этому рада. Кажется, она и не жила, из девушки, той, что когда-то влюбилась, не выросла женщина, словно бабочка навсегда осталась в куколке. Матерью она стала, и хорошей матерью, но так и не смогла стать женщиной. И тут, на пепелище несостоявшегося счастья, она стала думать, как Арсен, видеть, глазами Арсена, и так справлялась с разлукой, что длинной в целую жизнь.

С момента отъезда Седы, покой, установившийся за годы, нарушился, и где-то глубоко, в потаенном углу души, стало ныть и болеть. Мариам слишком привыкла к молчанию, притерпелась к разговорам, что вела лишь

сама с собой, и все чаще представляла белую комнату, может быть, дом, где никто не живет, где они бы просто молчали с Арсеном, не вспоминая прошлого, не упрекая друг друга ни в чём. Наверное, сидели бы рядом, на тахте, застланной ковром, как дед и бабка Арсена на старой фотографии, Арсен бы подходил к окну с сигаретой, смотрел в сад, и рассказывал Мариам, что цветение уже охватило ветви, и прибывает тепло внешнего мира, и скоро будут падать яблоки, глухими и плотными ударами утверждая несокрушимую поступь бытия.

– Я знаю, – шептала Мариам, – что Седа не могла говорить об Арсене, только сердце травить, к чему это? Да и случай не подходящий, ведь это смерть их отца.

При ней ведь никто не умирал, её родители ушли из жизни в больнице, и было это давно. А тут у неё на руках скончался отец мужчины, любимого всю жизнь.

Это было так давно, и они были так юны, что и тени их друг друга стеснялись. Представить встречу с ним она бы не смогла, она ведь старуха, а он, он молодой. У неё есть даже внуки теперь, а у него нет детей. Мариам сняла косынку, и волосы, покрашенные хной, рассыпались по плечам. Наверное, она еще хороша собой, недаром нижские мужчины, когда мимо идут, глаз с неё не спускают, к неудовольствию жён. Ей это и неудобно, и лестно. Как же нелепо сложилась ее жизнь, да разве только ее...

Теперь, когда она прочитала о Мастере и Маргарите, ей стало казаться, что история эта, все-таки, со счастливым концом. Смущало лишь одно – для обретения покоя надо было вступить в сговор с сатаной (при этой мысли она прикасалось к нательному кресту). Маргарита, сделавшись ведьмой, превратила своего

нелюбимого мужа в борова. Своего недолгого мужа, разгуливающего теперь в скуфье и подряснике, Мариам подвергла бы такому превращению с лёгкостью. Вышло так, что после её ухода от этого святоши общаться с ней в деревне почти перестали, словно это стало чем-то позорным. И сына, Давида, она отпустила из Нижа, чтобы на него не пала тень её отщепенства. Давид стал выпрашивать у нее о том, что происходило тут тридцать лет назад, и всякий раз, когда обострялся военный конфликт в Карабахе, плечи Мариам сжимались, теперь из-за страха за сына. Она просто надевала платок потемнее, словно вдова, и ухаживала за могилами родителей, соседей, дети которых покинули Ниж, а теперь и своего несостоявшегося тестя, Гарегина Гуасаряна. Поливала цветы, которые сама и сажала.

Рустам Байрамов сегодня закрывал свою выставку «Город мой Баку, он вечно стар и вечно молод», проходившую в Домике Петра I, точнее, в его выставочном зале. Собственно, от самого пристанища русского царя не осталось практически ничего – всё было уничтожено в раннее советское время. Уцелел лишь фрагмент землянки, где Пётр жил, метрах в ста от моря, во время похода, предпринятого за три года до смерти. Тут царь получал ключи от города, на серебряном подносе, застеленном парчой.

Выставка проходила под патронажем бакинского отделения Россотрудничества и фонда Гейдара Алиева, несколько лет назад выделившего значительную сумму денег на реконструкцию дербентских улиц, как раз

тогда Советскую переименовали, разумеется, в честь Алиева. В Дербенте нет улицы Михаила Лорис-Меликова, а вот улица Алиева – есть. Лорис-Меликов был военным губернатором Южного Дагестана и градоначальником Дербента, до его назначения город тонул в чисто азиатской грязи, а большинство дорог было непроходимым. Будущий диктатор Российской империи, имевший армянские корни, расширил здешние дороги и устроил каменные тротуары, с его приходом появилось достойное водоснабжение, и стала развиваться торговля.

Понятно, что ныне куда актуальнее и, главное, выгоднее – увековечивать незабвенное имя Гейдара Алиева, первого секретаря Советского Азербайджана, генерал-майора КГБ и дважды Президента, памятником которого в Азербайджане уставлено буквально всё. Впрочем, и в России, и в мире установка таких монументов поставлена на поток. Осечка вышла лишь однажды, когда свободолюбивые жители мексиканской столицы решили, что финансовый вклад «азербайджанской общины» в благосостояние отдельных чиновников Мехико всех остальных ни к чему не обязывает, и в один прекрасный момент сняли большого и красивого бронзового Алиева и вывезли в неизвестном направлении, предусмотрительно накинув ему на голову саван.

А Арсен всё думал о предстоящей встрече с Рустамом, подбирая первые слова, которые должны последовать за приветствием. Он знал, что разговор обязательно, рано или поздно, коснётся ситуации в Армении, и как придётся говорить с Рустамом, если тот не скроет ликования, в духе большинства своих соотечественников. Да, люди меняются, и к этому нужно быть готовым;

Рустам может воспринимать текущие события с антиармянским настроением.

Война в Арцахе проявила сущности многих...

Взглянуть хотя бы на талышей. Старый «борец за права талышского народа» Алакрам Гумматзода, в 1993 году провозгласивший себя «президентом Талыш-Муганской республики», а сейчас доживающий свой век в уютной Голландии, принялся салютовать Алиеву и называть себя «патриотом Азербайджана», надеясь на возвращение. А вот жизнь другого талыша, ученого и журналиста Фахраддина Абосзода, подлинного патриота своего народа, боровшегося за свободный Талышистан, была куплена у России алиевским режимом. Абосзода был вывезен в Баку и убит в бакинской тюрьме – в типично азиатском духе, ритуально, в день сдачи города Шуши.

Около десяти утра Арсен вышел на улицу и словно увидел себя в восточном кино, снятом в исходящем от каждого дома песочном свете. Он примерно представлял, что к домику Петра нужно идти вниз, к морю, и, петляя по старым улицам, ощущал в себе смятение и неуверенность, как почти всё время после смерти отца. Перед посещением выставки он решил немного подняться и найти армянский храм, постоять там недолго. Молиться он не умел, да и сейчас не захотел бы, просто ощутил желание побыть в стенах, освящённых армянским именем, хотя бы тут, в Дагестане. Арсен вышел к улице Кази-Магомеда, и сразу увидел типичный купол, без креста. Храм прятался в раскидистой темной хвое, на ракушечных стенах храма оставались, словно раны, следы обстрела во время гражданской войны. Этот материал, ракушечник, удивительно шёл этому храму. Обычно армянские церкви выполняют в голубо-

ватом базальте или туфе разных цветов и оттенков, и увечья, нанесенные турками или арабами их стенам, проступали намного явственнее, чем следы выветривания, а здешний строительный материал делал храм не просто каким-то особенным, южным, торжествующим, он чудным образом объединял форму и христианское содержание. Так паломники, посетившие Кампостелу, когда-то приносили на шляпах ракушки как свидетельства посещения «Поля Звезды»,²⁵ а затем прибавляли их на стены жилищ.

Арсен переступил порог храма и осмотрелся – здесь давно не бывает служб, храм отдан под экспозицию ковров и образцов ремесленного искусства народов Дагестана. На входе сидели сотрудницы, сын одной из них играл в стрелялку на телефоне. Самая молодая из них, продав билет, пересекла зал, шлёпая тапками, и громко заговорила с напарницей, потом они засмеялись. Выставку деревянных скульптур горско-еврейского художника смотреть в этом шумном месте не хотелось, и Арсен не задержался. От армянского тут предпочли избавиться, лишь в сувенирной лавке стояли керамические алые гранаты, а рядом – серебряные кольца со звездой и полумесяцем. Эти турецкие символы появились на флагах то ли после Косовской битвы, то ли после взятия в 1453 году Константинополя...

Арсен, выйдя из храма, двинулся снова вверх; ему казалось, что цитадель была близко. Он вышел на Род-

²⁵ В испанском городе Сантьяго-де-Компостела (исп. «поле звезды») завершались паломничества. По преданию, первые пилигримы приносили с берегов Атлантического океана ракушины *pecten maximus*, теперь известные по всей Европе как гребешки Св. Иакова.

никовую улицу, упершись в тупик, созданный дорожными работами, свернул, он шел и шел, и было чувство, что крепость удаляется, как в пустынном мираже, он снова сменил направление, и нашёл в этом лабиринте дорогу, ведущую прямо наверх, к той самой цитадели Нарын-Кала.

Пройдя круглую смотровую площадку, где было лобное место, он оглянулся на город под слоями огромного неба, вливающегося в море опаловым молоком, на старинные и новые постройки, древнее кладбище и совсем маленькую отсюда армянскую церковь. Видимо, огромным был некогда мир Кавказской Албании, один край которой он посетил, тот мир, которому бы ему всецело хотелось принадлежать.

Сейчас на крыше албанской ойкумены он вспомнил Гоар, что была от него почти в тысяче километров, и набрал её номер, чтобы просто поговорить, сказать что-нибудь тёплое, напомнить, чтобы берегла себя, но дозвониться не удалось. Наверное, было бы интересно снять такое кино, с концовкой, почти как в «Диких ночах», где смертельно больной Сирил Коллар²⁶ поехал на самый край Европы, на мыс Рока, под сень раскинувшего руки, чтобы обнять весь мир, Христа-Искупителя, словно в грешном Париже он не мог смириться с мыслью о скорой смерти, а в Португалии – мог. Коллар стоит так, будто мир принадлежит ему одному, и смотрит одновременно и в себя, распадающегося от болезни, от генерации греха и смерти, выедающей его изнутри, и в горизонт над морем, куда стремительно падает и

²⁶ Сирил Коллар (1957-1993) – французский писатель, актёр, режиссёр, музыкант, знаковая фигура своего поколения.

сгорают его дрожащее, агонизирующее персональное солнце, превращаясь в точку, гаснущую навсегда.

...так я стою на этом холме, под Нарын-Калой, а она – где-нибудь у Севанаванка, скажем, хотя зачем об этом думать, если между нами все кончено. Но это был бы действительно очень красивый кадр, снятый одним дублем без остановки камеры, хотя единственное, что делало его, Арсена, похожим на Коллара – чувство томительной неприкаянности, телесная и душевная напряженность, невозможность найти свое место в мире. И еще то, что и он тоже не желал умирать, особенно сейчас, когда он только начинает... жить...

Странно, что после смерти отца и всего, что произошло за эти сорок с лишним лет, он почувствовал, что только начинает жить. А чем он все эти годы занимался? Суетился, бегал, пробовал устроиться, женился на нелюбимой женщине, потому что придумал ей несуществующие достоинства, женщине, которая никогда не слышала его и не хотела слышать. Потом он понял, что она лишь отнимала его время и эмоции, и стал желать одного – чтобы не мешала. Но самое страшное, пожалуй, это что Ольга, когда выходила за него замуж, не была такой. Такой она стала *рядом с ним*.

Он прошел в мощное старинной брусчаткой подворье, ведущее наверх, к восхождению, и с первых шагов ощутил, как сделалась тяжелее его походка, и сам он словно стал мощнее и больше. Небольшая дверь, через которую охранник пропускал небольшие группы посетителей, вроде бы, захлопнулась за ним, а он шёл,

не оглядываясь. Слева на стене были портреты знаменитых людей, посещавших Нарын-Калу – бесовестный выдумщик Эвлия Челеби в огромном тюрбане, из-за которого над турками так потешался французский двор эпохи Короля-Солнце, Александр Дюма и русский декабрист Бестужев-Марлинский.

Вступив в камерное пространство цитадели, напоминавшее опоясывающие монастыри каменные стены, пространство, одновременно пугающее и защищающее, Арсен решил не спешить с дальнейшим восхождением и присел в кафе за один из столиков под навесом, покрытым тканью, узором сильно напоминавшую армянскую, из Вана. Ткань произведена, как водится, в Турции, а само кафе принадлежало азербайджанцу. Тут, в крепости, начавшей строиться еще в шестом веке, было бы хорошо пофилософствовать, просто посидеть с чашечкой чая, поглядеть на здешних людей, но Арсен вновь поймал себя на том, что ему хочется чисто по-московски куда-то спешить, торопиться по каким-то делам, и солнце, как назло, припекало, несмотря на ранний час.

Арсен быстро выпил чаю все с тем же иранским сахаром и двинулся к началу подъема, останавливаясь на небольших смотровых площадках, встроенных в мощное разнокаменное и хорошо сохранившееся тело Нарын-калы. Сделав несколько переходов, он ощутил, что в крепости таится какая-то тайна, и будто коснуться её ему никак нельзя. Арсен посмотрел на другую сторону крепости: там разгуливали умиротворенные и улыбочивые люди, в такой расслабленности, как будто они всю жизнь посвятили прогулкам, и решил подниматься выше, но по мере подъема смотреть вниз становилось

все труднее. В узкую щель бойницы он разглядел часть города со старинным кладбищем, на котором автор армянского храма и знаменитый писатель,²⁷ находясь в Дербенте в ссылке, вырыл свой зиндан, точнее, яму для спасения (так, на всякий случай), хорошенько прикрыв ее от чужого глаза. А внизу радостно и жизнеутверждающе зеленела трава, совсем не выгоревшая, несмотря на излет лета. Правда, человеку, упавшему отсюда, ничего хорошего она бы не обещала, и Арсен представил, как легко отсюда сбрасывали нападавшего врага или нелюбимую жену.

... Солнце вошло в полную силу, и стало жечь сильнее, и Арсен подумал – поскорей бы прошло это испытание. То ли он еще не отошел от вчерашнего перелёта, то ли уступы крепости действительно были под еле заметным наклоном, но ему вдруг стало не по себе. Отступить, даже по таким ничтожным поводам, он не привык. На одном из переходов он уткнулся в табличку, предупреждающую, что это – одно из самых опасных мест крепости, ведь двое тут уже не помещались, идти можно было только друг за другом, гуськом.

Арсен продолжил путь, и закружилась голова – он и не подозревал, что боится высоты. Прежде такого не случалось, даже когда однажды в Красной поляне оператор шутки ради выключил подъемник, и ветер стал раскачивать его кресло над пропастью. Мир вокруг жил, наслаждался красотами, открывающимися отсюда широко, насколько можно было видеть, а он застыл,

²⁷ Габриэль Сундукян (1828-1912) – армянский писатель, драматург. Один из основателей критического реализма в армянской литературе.

скованный страхом. Господи, – подумал Арсен, – неужели он не сможет пройти какой-то полупериметр, пока с моря не дует ветер, и ему абсолютно ничего не грозит? Стараясь не меняться в лице, как будто за ним кто-то наблюдает, кто-то, перед кем может быть неудобно, Арсен пошел за группой русских ребят, развернувшись лицом к каменной стене и, цепляясь пальцами за небольшие выступы. Русские со смехом остановились на спасительной площадке, стали фотографироваться, а он пошел дальше и, наконец, почувствовал себя в безопасности.

На следующем, более широком переходе, он понял, что сейчас находится на высоте около двадцати метров, это все равно, что стоять на крыше пятиэтажного дома, и его охватила шальная радость, от адреналина. Ему вдруг стало легче, словно он перешел некий важный рубеж жизни, и смерть отца уже не казалась такой непереносимой утратой, и уход Гоар – столь тяжким ударом.

Он прошел еще немного и заметил, что на него кто-то пристально смотрит. Арсен тоже стал вглядываться, и узнал в человеке, стоящем в нескольких метрах, Рустама. Он был всё такой же, тонкий, гибкий, в белой арабской галабие, как космополиту и пристало. Рустам не стал кричать, а только поднял руку в знак приветствия, на его плече висела фотокамера, правда, это был уже не старый отцовский «Зенит». На одной из ближайших смотровых площадок они наконец-то сошлись и обнялись.

– Ты здесь, брат? – спросил Рустам.

– Шел к морю, точнее, к тебе, но ноги сами сюда понесли. Прости, может быть еще не совсем поздно, а? –

пробормотал Арсен, все же обрадовавшись, что случай свёл их тут, в нейтральном месте, где один – не хозяин положения, а другой – не его гость.

– Конечно, не поздно, мы же увиделись. Развеску я собрал утром, людей было мало. Решил сходить напоследок в крепость. Уезжаю, вечером самолет...

– Куда самолет? – спросил Арсен.

– В Баку, да. Домой лечу. Тоже выставка будет. Баку последних десяти лет.

Было видно, что не так уж и беззаботно Рустам прожил эти годы, он поседел, но его это не смущало, и не придавало зрелости, он был похож на постаревшего юношу, субличного вечного студента.

– Слушай, давай в кафе посидим, поговорим?

– Конечно, Арсен. Давай, ты в ту сторону, откуда шёл, пойдёшь, а я за тобой, пару кадров сделаю?

– Может, пойдём туда, откуда шел ты? – спросил Арсен, полагая, что опасная зона в Нарын-кала одна, та, что он уже прошел, и куда возвращаться очень не хотелось.

– Нет уж, из нас двоих гениальный фотограф – я! Мне нужны новые точки для пары кадров, и все.

Арсен решил, что с паникой он поборется, и стал убеждать себя, что головокружение на высоте является нормальной человеческой реакцией, и пройдя то злосчастное место один раз, пройдёт и второй.

Но это было наивно, выйдя на тот переход, Арсен снова почувствовал дурноту, пожалуй, еще сильнее, чем в первый раз. Он с трудом оглянулся: позади него шел Рустам, в развевающемся белом одеянии, как дневной призрак, и, стоя на узком уступе, ухитрялся снимать окрестности и какую-то женщину внизу – тоже в совер-

шенно белом платье, белом платке и под белым зонтом. Кажется, это была экскурсовод, которая вела за собой туристическую группу. Подобное тянется к подобному, – подумал Арсен, – Может, и они с Рустамом тоже, имея такие разные мировоззрения, взаимно притягиваются, этаким иллюстрацией единства и борьбы противоположностей.

– Рустам, мне плохо, – честно признался Арсен, – Надо как-то дойти, надо было тебе первым пойти, – бубнил он, чувствуя, что как страх сводит скулы, и от дурноты во рту появляется кислый привкус.

– Надеюсь, ты не станешь причиной моей смерти, – весело сказал Рустам, продолжая щёлкать камерой, – Люди, панически боящиеся высоты, иногда ведут себя, как герои Хичкока,²⁸ притом сами выживают.

Повесив фотоаппарат на плечо, приказным тоном, какой только и понимают люди в нынешнем состоянии Арсена, Рустам велел дать ему правую руку, и так, держась за руки, они прошли это жуткое место.

– Причудливый сеанс *Follow me*,²⁹ тебе не кажется? – спросил Рустам

– Да, просто умирающий автохтон и призрак халифата, – и оба они тихо рассмеялись. Арсен смотрел на него и не мог отделаться от чувства искусственности этой ситуации, как будто ими кто-то управлял.³⁰

²⁸ В фильме Альфреда Хичкока «Головокружение» (1958) полицейский уходит в отставку из-за депрессии и панического страха высоты, послужившего причиной гибели сослуживца.

²⁹ *Follow me* – фотопроект дагестанца Мурада Османа и его жены Натальи Захаровой, сделанный в разных уголках мира.

³⁰ Приём позаимствован из экспериментального романа аргентинского писателя Хулио Кортасара «62. Модель для сборки», герои

Нет, Рустам все-таки изменился, и сильно изменился. В нем появилась какая-то тишина, незашумленность. Наверное, таким его сделали путешествия, или, может быть, я ошибаюсь.

Они вышли из Нарын-Калы, и стали спускаться, пока где-то в Магале не обнаружили небольшое кафе советского облика, со столиками под клеёнкой, такие мне нравились больше всего. Я снова посмотрел в уставшее и с каким-то пергаментным светом лицо, испещренное мелкими морщинами, и понял, что от того Рустама, сына советского инженера и свидетеля армянских погромов в Сумгаите, как будто ничего не осталось, и странно, что он до сих пор считает Баку своим домом. На него словно лег песок Аризоны и пыль от вулканического туфа Каппадокии. И, слава Богу, – внутренне выдохнул я. – Встреча будет спокойной и легкой. Зря я так опасался.

12 июня, перед выборами в Армении, Баку подписал к выдаче пятнадцать армянских пленных при посредничестве России. Возвращены в Армению они были специальным рейсом в начале июля. В обмен на солдат армяне отдали Баку карты минных полей в Физули и Зангелане – части из так называемого пояса безопас-

которого подчас чувствуют, что их действиями и желаниями управляет внешняя сила. У Кортасара частично взята и концепция романа, где ракурсы изображения меняются – то повествование идет от первого лица героя, то герой сам становится объектом повествования.

ности Арцаха, перешедшие под контроль азербайджанской армии. В это же время в Баку судили четырнадцать военнопленных за «незаконное пересечение границы Азербайджана». Передача пленных состоялась на азербайджано-грузинской границе при содействии официальных лиц Тбилиси. Самвела, брата Гоар, в списках возвращенных не оказалось, но от омбудсмана Армении приходило подтверждение, что Самвел жив.

Находиться в Ереване у Гоар не было сил, ей было легче в поездках, хотя жизнь в столице и в остальных частях страны, особенно в приграничных зонах, резко контрастировала. Не обходилось и без эпичных курьезов: к самому генералу Мурадову обратился сельский пастух в Гегаркунике, у которого азербайджанские военные украли корову и теленка. В это время профессия пастуха, как в Армении, так и в Азербайджане, стала одной из самых опасных. Если азербайджанские пастухи систематически подрывались на минах, то армянские порой оказывались первыми, кто встречал продвинувшиеся вглубь Армении вражеские войска. Так, пастух села Веришен на Черном озере Вачаган Арустамян привычно выгнал скот на пастбище, где вдруг встретил солдат, обратившихся к нему на азербайджанском языке.

К счастью, прекратилось хроническое напряжение вокруг тавушских сел Айгепар, Мовсес, Барекамаван, где все тридцать лет в детских садах во время азербайджанских обстрелов включали громкую музыку: пограничные войска России разместили и там свой контингент, все больше вытягиваясь в новый пояс безопасности Армении.

Гоар раз в неделю передавала в редакцию очередной репортаж. «Русская неделя», благодаря ее выездам в горячие точки Армении, стала одним из тех немногих медиа, которым удалось выстроить сбалансированную информационную повестку.

В республике не отступала и пандемия Covid-19. Многие её подруги и одноклассницы продолжали работать в госпиталях, солдатских домах, выхаживать тяжелораненых. Гоар восхищалась ими, но о себе знала, что даже вида крови ей хватило бы, чтобы потерять сознание. А они не видели в своей работе в клиниках и солдатских домах ничего героического. Героями были те, кто погиб, и те, кто выжил. Даже самым отважным молодым парням, жизнь оставляла, казалось бы, ненужное, неправильное после всей этой бойни чувство вины. Виноват тот, кто выжил, даже если он выглядел как обрубок молодого тела, никогда еще не любившего в полную силу.

Ползут по солончаку самки «вордан кармир», араратской кошенили, пока не наткнутся на тростник или прибрежницу, и тогда зарываются в землю, присасываются к корневищам родной земли – самки сосут соки, а самцы, лишённые рта, выбираются на поверхность. В сентябре солончаки Араратской долины усеяны красными точками – это самки, готовые к оплодотворению, а в воздухе порхают их эфемерные супруги. Месяц-полтора длится этот период. После спаривания самки окончательно удаляются в землю, чтобы опуститься, сотворить из восковых нитей пуховые яйцевые

мешочки. Много метаморфоз произойдет с самкой, прежде чем из нее получат красную краску кармин, которую можно увидеть на древних миниатюрах и на ворсистых армянских коврах.

Гоар ехала на маршрутке через Араратскую долину, подъезжала к Арташату, откуда открывался один из лучших видов на Арарат. Дорога её снова лежала в Степанакерт, на строительство многоквартирных домов, которые возводились для жителей Шуши и Гадрута, потерявших в войну кров. Третий день она недомогала, телу было жарко, руки леденели, бил озноб и ломало суставы, но она отгоняла мысль о том, что серьезно заболела. Натянув на лицо маску, она ехала в Арцах.

Поездка не казалась легкой, не ощущалась чем-то сродни паломничеству, как в те годы, когда армяне жили радостью от победы в первой карабахской войне. Теперь же каждый этап пути был как продвижение по темному, длинному и опасному туннелю. За рулем маршрутки был хорошо знакомый водитель, фактурный, красивый, хотя и в возрасте, арцахец Аршавир, переживший здесь все последние трагедии своего народа. Руль он держал такой же жесткой уверенной хваткой, какой держал, наверное, руль военного грузовика, когда буквально летал по этим дорогам в 1990-е, освобождая Шуши и Лачин.

Гоар не раз приходилось ездить с ним до войны, он любил рассказывать о своей русской жене, и слушать дашнакские песни. На лобовом стекле была приклеена иконка, висел крест на чётках, и то и дело попадались на пути свои – Аршавир выкрикивал из окна приветствия, махал рукой, что-то бегло сообщал водителю встречной

машины, не останавливаясь. И эти мимолетные встречи на трассе Ереван-Егегнадзор-Горис-Степанакерт делали эту дорогу намоленной, родной, домашней.

Сейчас Аршавир ехал почти всё время молча, извиняясь, курил в окно, но песни про дашнаков³¹ в его кабине за это время не перевелись и как-то сохраняли былую дорожную атмосферу. Маршрутка остановилась в Степанакерте, Гоар медленно вышла из машины, попрощавшись с теми пассажирами, с которыми доводилось ездить и раньше, среди них были жители сданного азербайджанцам Гадрута: навестив ереванскую родню, они возвращались в Степанакерт к родственникам, у которых нашли временное пристанище.

Немного пройдясь, Гоар ощутила нехватку воздуха, начался предательский кашель, и она решила, не откладывая, поехать в республиканский медицинский центр, открытый в 2013 году, где врач констатировал коронавирусную инфекцию. Будь Гоар местной, могла бы идти речь о лечении на дому, но тут речь шла только об экстренной госпитализации, поскольку в отель в таком состоянии ей точно не заселиться.

Позже вспоминая этот день, Гоар и сама не помнила, как оказалась на больничной кровати, до такой степени ей было плохо. Она проваливалась в тяжелый сон, где перед глазами из красных точек на солончаках разрастались кровавые пятна, и звал её, как в детстве, плачущий Самвел, упавший с велосипеда, и тянул к ней маленькие руки.

³¹ Дашнаки – члены «Дашнакцутюн», одной из старейших политических партий Армении, основанной в 1890 году.

Из окна где-то под небом виднелась Нарын-Кала: мощь ее уже была почти неправдоподобной, потусторонней. К посетителям подошла пожилая азербайджанка, хозяйка кафе, и предложила пообедать. Арсен понимал, что у Рустама мало времени, и решил соглашаться на всё, что быстро подавалось.

Пока подавали на стол, принесли избербашской минеральной воды. Оба налили по стакану, утолив жажду, молчали. Наконец, Рустам сказал:

– Арс, сочувствую твоему горю. Мы мало были знакомы с дядей Гарегиним, но я знаю, какой он был человек.

Арсен знал, что он говорит искренне.

– Арсен, не знаю, прав ты или нет, что не приехал в Азербайджан.

– Я не смог тогда.

– Ты столько лет не был в Нидже. Там всё изменилось. Нет желания полететь, когда время будет?

– Сейчас не могу сказать.

– Понимаю. Я понимаю, что торопиться таким как мы, уже не надо.

– Таким как «мы», это каким?

– Взрослым. Старым друзьям. А ещё и...

В этот момент хозяйка принесла дюшпере и курзе³², бастырму, нарезанные дагестанские розовые помидоры с зеленью. От водки и махачкалинского коньяка оба отказались.

³² Разновидности пельменей.

- Что ещё? Скажи.
- Хотел сказать, Арсен, что после того, как мой отец умер, я перестал ...
- Твой отец умер?
- А, слушай, дай сказать. Меня тоже, как и тебя, изменила смерть отца.
- Ты думаешь, меня изменила?
- Она тебя изменит, пока просто мало времени прошло. Изменит, но не в лучшую и не в худшую сторону. Сразу так и не поймешь, что поменяется, но просто другим станешь. Я не давал в юности никаких клятв. Ты давал, я - нет.
- Но тебя из дома не гнали.
- Не гнали, да. Но свой дом потерял мой отец. Мои родители и многие, кого я знал и любил.
- О чем ты?
- Давай немного поедим сначала, потом будем говорить.

Они стали есть, Арсен смотрел на него и удивлялся аппетиту, с которым он ел. Казалось, Рустаму вообще не нужна была еда. В нем было что-то аскетичное.

Он, наверное, все эти годы питался пустынной саранчой. Арсен все время ловил себя на том, что он не искренен с Рустамом, и пытается подавлять в себе эту неприязнь. Вот такие умненькие и одаренные, как Рустам, сами явно не пошли на фронт, зато наверняка радовались, когда фосфорные бомбы жгли арцахских детей. Я не прощу им этого, не прощу...

- Когда из Баку уехали армяне, русские, евреи, - вновь заговорил Рустам, - конечно, многим азербайджанцам казалось, что они, наконец-то, избавились от армян. Но очень скоро в город хлынули люди с окраин.

Они и понятия не имели, что такое город, его культура. Грязные ноги в шлёпанцах стали ходить по Молоканскому саду, по нашим улицам. Однажды стало понятно, что это мы столкнулись с азербайджанским народом, которого никогда не знали. Город стал меняться. Многие бакинцы, такие, как мой отец, а мы в те годы из Сумгаита переехали в его родной Баку, понимали, что зона отчуждения нарастает. Было чувство захваченного города. Ты здесь вроде бы свой, а город тебе не принадлежит.

– Так что же случилось с отцом? И почему я ничего не знал о его уходе?

– Арсен, ты всегда был слишком занят. Я и не стал тебе сообщать, зачем, что тебе было до моего отца, которого ты не знал. Да и до меня тоже, ты же меня давно не видел.

– Да, мы давно не виделись. И я сейчас вижу, что ты очень изменился с тех пор. Так что мы сейчас совершаем ошибку, да? Сидим и под эти курзе говорим о том, что с нами сейчас происходит? А зачем тебе это? Зачем ты вообще меня позвал в Дербент? Это же не была дань вежливости, да?

– Это не вежливость, Арсен. Я позвал тебя в Дербент, потому что нам давно нужно было поговорить.

– О чем?

– Хотел тебе кое-что объяснить, ты многого не понимаешь, не признаешь. У тебя сильный перекокс в армянскую сторону. Ты не хочешь понимать то, что за пределами 1988 года, когда вы уехали из Ниджа.

– Нас изгнали и из Нижа, Рустам, – поправил его я.

– Да, из Нижа, пусть так. Изгнали. Ты знаешь, что почти все вернулись? Сам посуди, ты родился в Азер-

байджане и разорвал свою жизнь на две части. Ты мог бы вернуться в Ниж, как твой отец, приехать летом, отдохнуть в своем доме...

– Жизнь взаимы, что ли? Как у классика?³³

Теперь замолчал Рустам.

– Ездить в Ниж в гости я не могу. Отец мог, на кладбище у него больше родственников было, чем в жизни. Когда нас изгоняли, он пережил самый большой страх в своей жизни и потом мало чего боялся. Смерти уж точно не боялся. Он *тогда* боялся за нас. А потом он ездил на могилу к своим матери и отцу, и братьям. Он и сейчас с ними, на *своем* месте. В *своей* земле.

– Поэтому ты и сам не понимаешь, потому что пока этого не осознал, что я тебе сейчас больше других нужен.

– Ты? Зачем ты мне нужен? – резко спросил Арсен, понимая, что его тон может сейчас выглядеть оскорбительным.

– Потому что мы сейчас испытываем схожие ощущения. Может быть, мне тяжелее, чем тебе.

– В чем тяжелее?

– В том, что для тебя твое прошлое все еще находится в зоне невидимой, а мое - слишком очевидно. Моя боль - она неизлечима, а твою... твою, Арсен, еще можно вылечить.

– ??

– Устал я ездить в Сумгаит, знаешь, стоять возле своего дома, заглядывать в окна, где жил в детстве,

³³ «Жизнь взаимы» – роман немецкого писателя Эриха Марии Ремарка.

когда отец был жив, и мама молодая, и все еще было впереди...

– Да, Рустам, тебе и вправду не позавидуешь. Шутка ли, что не можешь постучать в дверь, в которую стучал пятилетним малышом. Другое дело – армяне: те, которым повезло, кого не забили и не сожгли, не могут даже приблизиться к своей бакинской двери. Могут прийти на армянское кладбище Москвы и положить цветы у мемориала и вспомнить тех, кого нельзя навестить в Нахичевани, Баку, Сумгаите, Геташене, да мало ли... Теперь в Шуши и Гадруте. А если бы даже – представь невозможное – в рамках гипотетического «замирения» армяне и приехали бы, то что бы они увидели? Разрытые могилы, разбитые памятники, если они вообще уцелели... Заасфальтированные пустыри с бензоколонками вместо кладбища. Да, Рустам, тебе тяжелее, все это сделали твои.

Арсен заметил, что хозяйка кафе внимательно слушает их спор.

– И все же. Наш разговор не закончен, Арсен. Сейчас ты, наверное, встанешь и уйдешь. Но я хочу тебе сказать... Тебе нужно вернуться в родительский дом. Съездить, посмотреть.

– Я слишком часто туда езжу. Как Бродский, который все думал, представлял, как вернется в родной город, где его никто не узнает.

– Я знаю, что это такое. После сорока лет человек мучительно собирает куски своей жизни, и ему надо увидеть свой дом, первый дом, где он жил. В Ниже тебе ничего не угрожает, Арсен.

– Ну, конечно. Наше время еще не вернулось, - саркастически улыбнулся Арсен, вилкой разрезая плоть помидора. - Сейчас время убивать армян, так?

– Знаешь, Арсен, неправильно это. Я сказал, я знаю, что это поможет. И потом не все в Азербайджане забыли своих армянских учителей и соседей. Во всяком случае, я не забыл.

– Кого ты имеешь виду?

– Я *имею ввиду*, Арсен, своего классного руководителя Амалию Нерсесовну. Убитую на пороге своей квартиры при попытке спастись.

И тут Арсен впервые увидел горькие глаза Рустама, которого он и не знал по-настоящему все эти годы. Да, кажется, не знал...

С трудом открыла глаза и стала вспоминать, где находится. Сейчас, после забытья, как в детстве, после скарлатины, она мучительно вспоминала свое имя и заново изучала свое тело. Оно было словно постаревшим, усталым, отёкшим, но мысль работала. Она, Гоар, женщина тридцати лет, журналист, и она сейчас в Степанакерте. Идет ли война? Кажется, войны сейчас нет. Из процедурной доносился звон металла, как из комнаты пыток, из всех больничных звуков она больше всего ненавидела именно этот, когда пинцеты или иглы падают в бокс для стерилизации. К ней подошла сестра и, улыбаясь под маской, протянула градусник.

Дышать стало еще труднее, на грудь словно положили тяжелый дольмен³⁴. Температура была высокой, она это знала, несмотря на деликатное желание сестры скрыть это. И потянулись долгие, неисчислимы дни.

Медицинскому центру, где она лежала, в войну повезло больше, чем роддому, разбомбленному азербайджанцами (бакинские власти это отрицали). Тут, как и во всём мире, профильные отделения были переоборудованы в инфекционные. В Степанакерте приоритетным направлением оставалась военная хирургия. В дни войны множество врачей, не только хирургов, съехалось в Степанакерт со всего Спюрка, добирались из США и Франции, России, Греции и Ливана, да мало ли на свете стран, где билось в унисон с учащенным пульсом Арцах сердце каждого армянина. Когда Гоар бодрствовала, то думала о Самвеле, о родителях. Мысли об Арсене тоже приходили, но в них уже не было прежней ярости, она чувствовала, что эта история скоро отболит, слетит с ее жизни как отжившая кора мертвого дерева. Она твердо знала, что не умрет. Не потому, что находилась в стенах лучшей клиники всего Закавказского региона, а оттого, что знала, она еще нужна, чтобы сражаться, в ее случае – на информационном фронте. Гоар вспомнила рассказ одного приятеля³⁵, о том, как тот решил осуществить мечту и съездить в Арцах. По дороге, в Нораванке, прогуливаясь по монастырю, он подвернул ногу, неловко

³⁴ Дольмены (от брет. *taolmaen* – «каменный стол») – древние погребальные и культовые сооружения, относящиеся к категории мегалитов – сооружений, сложенных из огромных каменных глыб.

³⁵ Случай был рассказан автору фотохудожником Вигеном Ахвердяном.

спускаясь с горки, еле дошел до стоянки, но для себя сразу решил – в Ереван не вернется ни за что. Льда было нигде не достать – купили по дороге пива в алюминиевых банках из холодильника, обложили ногу, но отёк всё равно пошёл. Доехали до Караунджа – кое-как, на одной ноге, он там поскакал и сделал несколько кадров, добрались до Татева, где ему было важно задержаться, у него дедушка был татевский, и они с сестрой стали звонить своим в Москву, спрашивать, где в Татеве можно переночевать. Думали, к утру нога пройдет и они найдут дедушкин дом. Но нога вполне ожидаемо опухла еще больше.

На следующий день поехали в Шуши. Устроились в гостинице, и пошли в шушинскую больницу показывать ногу, а там врач в отпуске. Едут они в Степанакерт, заходят в местную больницу. Он – московский парень, как увидел приёмное отделение, так за голову схватился, было впечатление, что попал на тридцать лет в прошлое. Но его местные сразу успокоили, сказали, что тут врачи во время войны такие операции делали, что твоя нога – сущая мелочь для них. Новый корпус больницы, где сейчас лежала Гоар, тогда только строили. Приходит он на рентген, а рентгенолог домой уже ушел. Его вызывают, делают снимок, перелома нет, растяжение связок. Ставят гипс-лангету, и врач говорит: два-три дня надо полежать. Ногу ни в коем случае не нагружать. Куда там! Он так долго мечтал попасть в Арцах! Доехали до магазина и купили тапки и костыли. Вот так он на полтора ногах и проскакал по Арцаху.

Гоар улыбнулась, вспомнив эту историю. Известно, что бы она предпочла – костыли или корона-

вирус с неясным исходом. Хотя почему неясным – кто хочет жить, тот будет жить!

А как же они, наши мальчишки? До сих пор многие тела не преданы земле. Разве они не хотели жить? Они про это не думали, они отключили сигнальную систему и шли только вперед, во многом это была атака мертвецов³⁶, ведь регулярная армия Республики Армении так и не была мобилизована. Как ужасно осознавать, что наших героев заранее обрекли на смерть. А они шли, думая, что мужеством и доблестью можно все победить. Как страшно это знать, как невыносимо...

Бессильные, долго скрываемые слезы покатались у нее из глаз, впервые с того дня, когда без боя был сдан Шуши. Гоар еще не знала, что в Баку успели соорудить миф о «героической битве за Шушу»³⁷, которой никто не видел. Неприступная Шуши была передана Алиеву в кабинетах.

Часто проваливалась в тяжелую дремоту: ее пока было больше, чем бодрствования, и сил расхаживаться не было. Врач настаивал, чтобы не меньше пяти раз в день Гоар подходила к окну, глубоко дышала, разрабатывала легкие. Подниматься с постели ей помогали соседки, обе мартунинские, у которых с фронта вернулись все, и сыновья, и племянники. Мужья обеих погибли в первую карабахскую, когда вместе с Монте Аво³⁸ армяне освобождали Мартунинский район. В

³⁶ «Атака мертвецов» – распространённое публицистическое название контратаки 13-й роты 226-го Землянского полка 24 июля (6 августа) 1915 года при отражении немецкой газовой атаки.

³⁷ Шуши (арм.), Шуша (азерб.)

³⁸ Монте Мелконян (1957-1993) – американец армянского происхождения, национальный герой Армении и герой Арцаха, активный

нынешнюю войну у одной из них, во время обстрела Степанакерта, погибла мать – спустилась с пятого этажа во двор, полить цветы, когда четыре кассетные бомбы упали в центре Степанакерта, одна из которых попала в ее дом, другая – в здание роддома.

Несмотря на слабость, Гоар по журналистской привычке мысленно продолжала что-то писать, строить фразы, но реальности в этих галлюцинациях не было, только одна боль, какая-то кровавая жижа, заполнившая сознание.

Однажды, очнувшись поздним вечером, Гоар заметила, что из коридора на нее смотрит молодой парень, лет двадцати с небольшим. Он тут же исчез, и когда через два дня он подошел к ее кровати, она не удивилась.

– Как тебя зовут? - спросил он.

– Гоар.

– Гоар?

– Ну, да. Что-то не так? – сказала она резко, как привыкла разговаривать с мужчинами, особенно красивыми и настойчивыми. Она увидела, что между его бровей пролегла глубокая морщина.

– Все нормально, – улыбнулся он. – Меня зовут Аветис.

– Вот как? Ты принес мне благую весть без белой лилии?³⁹ Тебе здесь нельзя находиться, ты можешь заболеть.

участник первой Карабахской войны, один из организаторов и руководителей армянских вооруженных сил в Нагорном Карабахе.

³⁹ Имя Аветис буквально означает «благая весть».

На ее шутку он не отреагировал, хотя наверняка знал, что означает его имя.

– Я уже переболел вирусом, под Джабраилом.

И тут Гоар увидела, что левый рукав его летней камуфляжной куртки пуст.

Он, отвечая на ее взгляд, сказал:

– В джабраильском госпитале рука еще была. Это сейчас я в разобранном виде.

В этот момент она осознала, что он действительно еще очень молод, только на лицо легла тень войны.

– У меня брата в плен взяли, Самвела, под Карвачаром. Омбудсмен говорит, что он значится в списках живых.

– Знаешь, у тех, кто был там, нет желания говорить о войне. Вы и на тонкий волос не сможете приблизиться к нашему состоянию. Но тебе я скажу...

В его тоне слышалась какая-то отстраненная резкость и в то же время нежность. Он ласкался и одновременно нападал.

– Скажи, Аветис. Но не надо винить тех, кто не был там.

– Я не виню. Я просто говорю, что нет смысла говорить о том, что там происходило в течение сорока четырех дней и позже, с теми, кто...

– Ладно. Что ты хотел сказать?

– Я хотел сказать, Гоар, – лукаво перевел он разговор, – что у тебя очень красивые глаза.

– Это объективная вещь, мои глаза, так что этот комплимент – не свежая мысль. Но...

Её охватил приступ кашля.

– Всё, всё. Вижу, тебе тяжело говорить. Не буду утомлять. Самвел обязательно вернется, Гоар. Уж поверь мне. И я вернусь.

– Ты уже вернулся, Аветис.

– Ты не поняла. Я еще вернусь.

Когда Аветис ушел, она подумала, что порой наша странно устроенная жизнь готовит встречи там, где этого ожидаешь меньше всего. Слезы снова выступили на глазах, и она удивилась их внезапности. Потом соседки по палате объяснили ей, что коронавирус сильно бьет по психике, человек начинает испытывать отчаяние, ощущать близость смерти, хотя сил для борьбы у него еще много.

Аветис приходил каждый день, сам он лежал в хирургии и подлечивал пяточное сухожилие, ему приходилось разрабатывать ногу. В шутку он говорил, что ходит к ней на другой этаж только из-за этого. В отделение он проникал хитростью, объявив себя её двоюродным братом.

Гоар стала чаще вставать, и вскоре уверенно пошла на поправку, её даже выпустили на полчаса во внутренний двор клиники. Когда они с Аветисом спускались по лестнице, он держал ее за руку своей правой рукой. Это была сильная, ведущая, настоящая мужская рука.

– Знаешь, – сказал он серьёзно, – я ведь даже не смогу тебя раздеть.

– Ничего, я помогу, – ответила она, глядя прямо ему в глаза, а про себя прошептала *милой*... Вот так-так,

думала, что мальчишка, – улыбнулась своим мыслям она.

Так прошло еще три дня, а на четвертый Аветис не пришел. А она ждала его, ждала, из гордости не спрашивала о нем у медперсонала. А когда не пришёл – подумала, что ей это всё ни к чему, что он слишком молод, она зацепилась за его молодость, чтобы себя отрезвить. Но тут в палату зашла сестра из его отделения, отдала записку и сказала, что его выписали без предупреждения, в пятницу, накануне выходных, хотя думали, что полежит до вторника. Просто в хирургию поступило еще несколько человек, приехавших из районных больниц. Едва дождавшись, когда сестра уйдёт, и никого в палате не останется, она слабыми, дрожащими руками развернула записку, а там было написано лишь: Г О А Р.

Она засмеялась, и тут почему-то появилась уверенность, хотя еще и написанная акварелью, размытая – пусть пока ничего толком не известно, но все будет хорошо. Самвел, брат, возвращайся. И последнее, что она увидела перед тем, как снова забыться – черные с отблеском ртути глаза Аветиса Мелконяна, на дне их горело, искрило, сверкало ее древнее и вечно живое армянское имя.⁴⁰

Арсен Гуасари сидел в аэропорту Домодедово и ждал рейса на Габалу. Билет он купил из материальной

⁴⁰ Имя Гоар – от персидского «гохар» («гавхар», «гаухар») – букв. «жемчужина», «драгоценный камень».

помощи, что выдали в редакции по смерти отца. В этот месяц он не мог работать, не мог писать или брать интервью. Об увольнении речь не шла, просто Куцкий заморозил договор на некоторое время, он понимал, что его сотрудник не просто потерял отца – он на пороге перемен.

Арсен так внезапно купил билет на самолет, что не стал даже сообщать Седе. Не хотел, чтобы она говорила что-то. Он должен был лететь без ее напутствий и предостережений. Он вообще сейчас не хотел слышать ничьих слов. Он хотел слышать только себя.

В первую очередь он не хотел, чтобы о его приезде узнала Мариам. И потом, Седа лгала. Мариам с двумя чёрными, как смоль, косами, под красным шелковым платком с бахромой, всё ещё была юной, нежной, неизведанной, непостижимой.

ОТ АВТОРА

Повесть «Чёрные рыбы» была написана в июле-августе 2021 года.

Идею книги об удилах, их исторических и духовных связях с армянским народом, ассимиляции в Азербайджане подал автору известный востоковед Гарник Асатрян. По ходу работы над повестью замысел усложнился, и в повествовании переплелись судьбы многих христианских народов – русского, удинского, армянского, сербского в сопоставлении с трагедиями некоторых мусульманских народов, живущих на своей земле, – лезгинов, чеченцев. Автор берет за основу исторические события, произошедшие после развала СССР.

«Черные рыбы» – сложная многозначная метафора. Образ рыб-народов появляется в цитируемом стихотворении Велимира Хлебникова, написанном поэтом в 1915 году, в апогей Геноцида армян в Османской империи. Примечательно, что сам будетлянин Хлебников, один из основоположников русского футуризма, тоже имел армянские корни. Он происходит из старинного рода Алабовых, и в год Геноцида армян продолжает искать «Законы времени».

«Черные рыбы» – это отсыл и к образу Христа, и к преследуемому христианству, одним из символов которого является рыба. В греческом слове ΙΧΘΥΣ (рыба) христиане древней Церкви увидели таинственный акростих, составленный из первых букв предложения, выражающего исповедание христианской веры: *Iêsous Christos, Theou Yios, Sôtêr* – Иисус Христос, Сын Божий, Спаситель. «Если первые буквы этих греческих слов соединить вместе, то получится слово ΙΧΘΥΣ, то есть

«рыба». Под именем рыбы таинственно разумеется Христос, потому что в бездне настоящей смертности, как бы в глубине вод, Он мог оставаться живым, то есть безгрешным» (Блаженный Августин. *О Граде Божьем*. XVIII. 23.1).

«Черные рыбы» – это еще и образ людей, оторванных от своей земли, от корней, от народа. Черные рыбы (*Idiacanthus*) живут на большой глубине, часто в холодных водах, куда не проникает солнечный свет. Таким видится главный герой повести – удин-армянин Арсен Гуасари, в силу исторических и семейных трагедий оторванный от древней удинской земли. Журналист Арсен живет будто на глубине. Перед тем, как окончательно духовно проснуться, он заносит руку над нелюбимой женой, видит странные тревожные сны – как он пытается и не может подняться на поверхность из холодной бездны. Арсен – герой не положительный и не отрицательный, он – фигура в развитии. Он – отчасти манкурт, хотя сохраняет дружбу как с армянами, так и с удинами, и с азербайджанцами. Его неуспокоенность часто теребит его душу. Арсен – проводник тех, кто ищет и идет на свет.

Мы не видим сколь-нибудь цельного Арсена Гуасари, личность которого еще в процессе становления, несмотря на то, что он уже давно не молод. До тех пор, пока он не садится в самолет, летящий в Габалу.

Валерия Анатольевна ОЛЮНИНА

ЧЁРНЫЕ РЫБЫ
Удинский акафист

Автор обложки – Павел Джангиров

Макет – Анна Габриэлян

Технический редактор – Гагик Саргсян

Îoîã-àòàí à èíèè-âñòãã 1500 ýççáííèýðíã à òòïãðàðèè "ÍÁÍÝ"

Êããçàçñèíãí òáíòðà èðàíèñòèèè à Áðãããíã